

A woman with short brown hair and glasses is the central figure, looking slightly to the right. She is wearing a dark top and large, ornate earrings. Three cats are integrated into the image: one large cat's head is in the top left corner, looking down; a smaller cat is on the left, looking up at the woman's hand; and another large cat's head is in the bottom right corner, looking towards the center. The background is a soft, out-of-focus outdoor scene with trees.

Ирина
Волчок

Ловушка
для примерной
девочки

Ирина Волчок

Ловушка для примерной девочки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4238515

*Ловушка для примерной девочки: [роман]: Астрель; Москва; 2012
ISBN 978-5-271-42035-1, 978-5-271-42036-8*

Аннотация

Как получилось, что самый красивый, самый завидный жених, состоятельный и перспективный, о котором мечтали все Наташины подружки, выбрал в жены ее – и не очень красивую, и не думающую о замужестве незаметную серую мышку? Кому сейчас нужны "тургеневские девушки", такие примерные, такие правильные, что это просто отпугивает большинство современных парней? Артура это не отпугнуло. Артуру она была нужна вот именно такая – примерная.

Она поверила, что это любовь. Она не догадывалась, что нужна совсем не мужу...

Ирина Волчок

Ловушка для примерной девочки

Александр лез по довольно крутому склону вверх и уговаривал себя, что это ему нравится. Природа, травка, цветочки. Цикады звенят. Солнышко светит. Солнышко, правда, светит очень уж старательно, жарко невыносимо. Надо было все-таки до лестницы дойти и подниматься по ней, как все нормальные люди. Там и лавочки, и тень, можно было бы на полпути спокойно передохнуть. Но, во-первых, он не больной, он уже вполне здоровый. Во-вторых, надо же тренировать свой пострадавший организм. А в-третьих, ему действительно все это нравилось: жаркое солнце, сухая трава, невзрачные цветочки и даже шум в ушах, куда попала морская вода, когда он нырял. Ощущать себя живым, живущим, практически здоровым и почти по-прежнему сильным – это было невыразимо приятно.

Только курить сильно хотелось.

Ну вот, наконец-то ровная дорога, тень и лавочки. Отсюда до столовой три минуты пути, и отдыхать в тени на лавочке нет никакого смысла. За столом можно отдохнуть.

Вот только есть пока не хочется. А курить, наоборот, хочется просто нестерпимо. Александр сел на скамейку.

Немножко посидел, отдышался после своих альпинистских упражнений. И достал строго-настрого запрещенные врачами сигареты. Две-три сигареты в день – ну какой вред они могут принести его пострадавшему сердцу? Ему, пострадавшему сердцу, гораздо хуже от того, что принадлежащий ему организм мается и завидует курящим собратьям.

Он с некоторым чувством вины, но и с наслаждением закурил, откинулся на спинку скамьи, огляделся. Никакой толпы. Все или на пляже, или обедают. Только на соседней лавочке сидит какая-то девчонка, книжку читает. Трогательная такая. Тоненькая, гладко причесанная, в длинном сарафане. Сидит ровненько, коленочка к коленочке. Деятнадцатый век.

Девчонка вздохнула, закрыла книжку и положила ее рядом с собой. Ого! Александр присвистнул и передвинулся на край скамейки, поближе к девчонке. Ну точно – его книга! Не в смысле – принадлежащая ему, как предмет, а – его! Он автор.

Девчонка, явно напуганная его свистом и передвижениями, вскочила и торопливо пошла по дорожке прочь. Книжка осталась.

– Эй, стой, забыла! – крикнул он, подхватил книжку и кинулся вслед за девчонкой. – Да не бойся!

Она оглянулась через плечо, остановилась, помолчала и тихо сказала:

– Я и не боюсь.

Он в несколько шагов догнал ее, сунул ей в руку томик карманного формата в мягкой обложке с безумным разноцветным коллажем. И уже хотел сказать что-нибудь такое необязательное, что-нибудь покровительственное – ну, что говорят незнакомым девчонкам взрослые люди.

Так вот, он сунул этот томик ей в руку и посмотрел в лицо. И понял, что она не девчонка. Может быть, и не намного, но все-таки постарше девчонки. Не ребенок. Девушка. А глаза у нее... настрадавшиеся.

– Извините... – Александр вдруг страшно смутился. – Я думал, вам от силы лет пятнадцать... Вот и тыкал.

– Ничего, это не обидно, – торопливо откликнулась она и отступила на шаг.

– Подождите, у меня вопрос! Важный!

– Я спешу, – сказала она, но остановилась. – Какой вопрос?

– Я...

А дальше-то что говорить? Я – автор, как вам мое произведение? Где вы купили книгу, я ее давно ищу? Как-то это все глупо.

– Вы тоже любите детективы?

Она смотрела на него непонимающе, потом взглянула на зажатую в руке книжку и слабо улыбнулась.

– Какой важный вопрос... Да так, иногда... А вы, наверное, хотите почитать? Возьмите, я уже дочитала.

– Спасибо, я, собственно, читал... – Александр замолчал,

подумал и все-таки не выдержал, похвастался: – То есть нет, не читал, а... написал ее.

– Вы Александр Матросов? – недоверчиво спросила она. – Правда, что ли? Надо же, какое совпадение...

Он вынул из ее руки книгу и перевернул ее. Девушкаглянула на фотографию на тыльной стороне обложки, на него и повторила:

– Надо же, какое совпадение.

Кажется, хотела еще что-то сказать, даже рот приоткрыла, но промолчала и опустила глаза.

Повисла неловкая пауза. Александр уже хотел извиниться и уйти. Не будет же он спрашивать, понравилась ли ей книга. И вдруг она спросила:

– В начале написано, что это реальная история... Это правда или просто рекламный ход?

– Правда! – быстро ответил он, слегка обиженный. Так бы он и позволил такие рекламные ходы... – Я только имена изменил.

– И вы участвовали в этих событиях?

Он вздохнул и неохотно кивнул: формой своего участия в этих событиях он не гордился.

– И вы, наверное, Глеб?

– Нет, Глеб – это Олег, наш босс.

– Неужели капитан Петров?

– Да не гадайте, все равно не угадаете...

– Тогда сдаюсь.

– Я – Наташа Морозова.

Он ожидал, что она засмеется. Все смеялись, когда узнавали, чей он прототип. Но она вдруг серьезно и странно заглянула прямо в его глаза. Сердце Александра на миг замерло. У нее были такие глаза...

– Знаете, я ведь и вправду детективы обычно не читаю. Как-то больше классику. А тут продавец мне книгу протягивает: новинка, реальная история! Я ее машинально открываю и сразу натыкаюсь на свое имя и свою фамилию... девицью. Я – Наталья Морозова. Вот такая история.

И снова заглянула ему в глаза своими зелеными, с серебристым отливом глазами. Он стоял, смотрел в эти серебристо-зеленые глаза и молчал. Забыл, что следовало бы поддерживать разговор. Сердце трепыхалось, как у пятнадцатилетнего пацана на первом свидании.

Но она, вряд ли заметив его замешательство, с сочувствием спросила:

– Значит, вас и вправду серьезно ранили?

– Было дело, подставился по глупости. Вот потому и книжку накатал. В больнице нечего делать было, вот я и... И мой босс теперь посылает меня на курорты. Он у нас редкий зануда.

– Побольше бы таких зануд, – сказала она. Александру послышался в ее голосе упрек.

– Это я любя, – быстро сказал он. – На самом деле он, конечно, зануда, но все-таки не такой, как я.

Она улыбнулась, хотела, кажется, что-то ответить, но вдруг улыбка пропала – сразу, будто ее выключили, – взгляд, устремленный куда-то за спину Александра, стал напряженным и виноватым.

– Простите, меня ждут, – тихо сказала она, обошла его и быстро, как-то суетливо пошла прочь.

Александр обернулся, глядя ей вслед, и увидел метрах ста мужчину и мальчика. Мальчик был не очень большой. Но и совсем не маленький. В детских возрастах Александр плохо ориентировался. Но почему-то подумал, что это не может быть ее сын. Она сама совсем еще ребенок.

Она уже подходила к ним, оставалось несколько шагов, когда мужчина развернулся, потянул мальчика за руку, и они пошли. Она уже бегом догнала их и пошла рядом.

Спина мужчины казалась каменной.

Александр пожалел, что она так быстро ушла. Так и не сказала ничего, как ей книга – понравилась, нет?

Он ничего не задумывал, когда, валяясь в больнице после ранения, начал свои записи. Ему тогда просто хотелось разобраться, как все это варилось, как бывшему оперу и как журналисту, занимающемуся расследованиями. А Олег почитал и говорит: роман получился.

И отвез рукопись в Москву, в издательство.

Сам Александр свои записки книгой не считал. А все равно интересно, что думают читатели.

На другой день он поймал себя на том, что все время кого-то высматривает среди купающихся и загорающих.

Пошла вторая неделя его отпуска в санатории, и он начал скучать.

Первую неделю наслаждался тем, что все вокруг незнакомые, и он не обязан ни с кем знакомиться. Поселили его в коттедже на одного человека. С соседями в столовой он вежливо здоровался – и только. Оказывается, он страшно устал от бесконечных знакомств, разговоров, общения не только по работе, но даже с друзьями. Но куда от общения уйти журналисту? Только в отпуск. Ему очень нравился этот отпуск, это спокойное одиночество, возможность спрятаться от людей.

Но сегодня он выискивал вчерашнюю свою читательницу и даже не сразу понял это. А когда понял, то и делать это стал уже осознанно.

На санаторном пляже он ее не нашел. Заглянул в столовую не в свою смену – тоже нет. На другой день он бродил по пляжу, высматривая в мельтешащей массе людей Наташу Морозову. Когда становилось уж совсем невыносимо жарко от неистового солнца, торопливо окунался в море – и опять бродил, пытаясь увидеть знакомый силуэт. Обошел все окрестные кафешки и бары...

Столовая – пляж – столовая – кафе – бары – столовая... В таком режиме прошли три дня.

Наташи Морозовой нигде не было.

Утром четвертого дня он неохотно шел к лечебному корпусу, с некоторым раздражением думая, что все эти процедуры ему уже совершенно ни к чему, только время отнимают. Лучше прямо сейчас пойти на пляж. Может быть, она как раз сейчас на пляже, а он здесь время теряет... Александр остановился, в задумчивости разглядывая дорожку под ногами, уже собрался поворачиваться и идти в другую сторону, с чувством вины поднял взгляд на лечебный корпус и увидел впереди знакомый длинный сарафан!

Он так обрадовался, что даже засмеялся вслух, торопливо пошел, почти побежал, догнал ее у самого входа в здание и окликнул:

– Наконец-то! Здравствуйте, Наташа!

Она обернулась, и от ее взгляда он даже дыхание задержал. Невозможно красивые глаза. Серебристо-зеленые, как изнанка ивового листа. Или как еловая ветка, покрытая легким инеем. И ресницы мохнатые. А взгляд опять грустный, даже тоскующий.

– Здравствуйте, – тихо сказала она и замолчала.

– Где вы пропадаете? Я вас искал, искал... Даже испугался, что вы уже уехали.

Лицо у нее почему-то стало напряженным.

– Испугались? Почему?

– Как почему? – театрально возмутился он. – Вы – первый человек, которого я застукал за чтением моей книжки! Можно сказать – независимый эксперт. Должен же я задать

вам все эти: «как вам стиль, как вам герои?»

– А! – Она облегченно улыбнулась. – Понимаю. Только мне сейчас некогда. Я на массаж опаздываю.

Он взглянул на часы:

– Да я тоже, кажется, опаздываю на свою электротерапию... – И замялся, нерешительно глядя на нее. – Может быть, встретимся после процедур?

– Нет, я не могу! – быстро ответила она. – Меня ждут.

– А когда сможете?

– Не знаю...

– Но все же, где вы бываете?

– Нигде, – растерянно сказала она. Помолчала, опустила глаза и виновато добавила: – Боюсь, я не смогу с вами встретиться.

– Ну что ж... Что ж поделаешь... Нет так нет. Очень жаль, – упавшим голосом пробормотал он и открыл перед ней массивную дверь.

Александр так огорчился, что даже удивился этому огорчению. А чего он, собственно, ожидал? Женщина приехала с семьей. Зачем ей лишние проблемы с мужем?

А почему он решил, что это ее ребенок и муж? Для такого большого мальчишки она слишком молода. Сколько пацану может быть лет? Среднему сыну Олега сейчас вроде восемь. Этот, наверное, чуть младше. Скорее всего, она гувернантка. Поэтому так и побежала за ними – босс как-никак.

Он почти утешил себя такими мыслями, но тут же сооб-

разил, что если она не замужем, но отказалась с ним встретиться, – значит, он ей не понравился.

Или – того хуже – она не только воспитывает хозяйского сына, но и с отцом ребенка у нее... отношения.

Значит, надо просто забыть ее. Ничего, забудет. У него сильная воля, это все отмечают. У него твердый характер. Ни разу не было такого, чтобы он не выполнил того, что сам решил. А он твердо решил забыть.

Забыть не получалось. Ноги сами останавливались у той лавочки, на которой он увидел ее в первый раз, и по пляжу он продолжал бродить в надежде увидеть ее. Время от времени он напоминал себе, что она-то с ним видаться не хочет. Ничего не помогало. Его сильная воля и твердый характер, похоже, тоже взяли отпуск. Это все курортное безделье виновато.

Прошло еще два дня маяты и сердечной смуты, а на третий день море заштормило, и Александр впервые отправился купаться в закрытый бассейн – врачи велели плавать каждый день.

И увидел ее и мужчину с мальчишкой.

Народу в бассейне было много, и Александр устроился так, чтобы он мог видеть Наташу, а она его – нет.

Она была в закрытом купальнике, но все равно было видно, какая она худенькая. Природа тщательно соблюла пропорции длины, а вот в объемах поскупилась. Но Саша не видел ее проступающих косточек, он видел... он только ее и

видел. Надо же такому случиться... Впервые с тех пор, как он расстался с Верой – а это было уже лет десять назад, – его так зацепила женщина. И – чужая. А может, не очень чужая? Может, это не семья ее, а все-таки работа? Кто он ей, этот красавчик с брюзгливым лицом? Вот если бы не муж, а мальчик – не сын... Но. «Но» – по-испански «нет». Она же отказалась с ним встретиться.

Он даже купаться не шел, просто сидел в своем шезлонге под прикрытием какой-то колонны и наблюдал за этой тропицей.

Наташа что-то лихорадочно искала то в одном, то в другом пакете. Все искала, искала... Наконец мужчина лениво оглянулся в ее сторону:

– Что ты все роешься? У меня уже голова заболела от этого шуршания!

– Артур, я, кажется, забыла взять Кирюшино лекарство. А ему пора...

– Ну, ты забыла – ты и иди. Сама виновата.

Артур! Все-таки, наверное, муж. А Кирюшка, лениво обгрызающий огромный персик и равнодушно глядящий в пространство, – их отпрыск. Красивые и муж, и сын. Сын ничуть на Наташу не похож. В отца – синеглазый брюнет. Где-то Александр читал, что такое сочетание, как и карие глаза при блондинистых волосах, – генетическое уродство. Ничего уродство, довольно эффектное.

– Я сейчас сбегаю! Я быстро.

И Наташа торопливо ушла. В одном сарафанчике, а там идет дождь. Наверное, они пришли гораздо раньше – еще до того, как шторм на море перешел в ливень на суше. Александр схватил свою ветровку и кинулся к выходу.

На улице бушевала настоящая буря. Ветер пригибал деревья чуть не до земли, разрывал стену ливня, скручивал потоки воды толстыми жгутами и тут же разбивал их о землю и стены зданий. Александр с трудом разглядел в этом ливне бредущую впереди фигурку, догнал, с разбегу набросил Наташе на плечи ветровку. Она обернулась, тут же сбросила его ветровку, стала толкать ее ему в руки, крича сквозь грохот бури:

– Не надо! Уходите! Я же просила – не надо!

– Не надо, так не надо, а куртку надень! Потом у охранника в бассейне оставишь! – крикнул в ответ Александр и побежал обратно.

Его душила ярость. Он сейчас просто изобьет этого красавчика. Кто бы он ни был, муж или не муж.

Вбежал в здание – и резко остановился.

Нельзя. Ничего делать нельзя. Кто он такой, чтобы вмешиваться?

И уже не замечая дождя, Александр побрел к своему коттеджу.

А назавтра снова безмятежно сияло солнце, только море было несколько взбаламученным и беспокойным. Народу на пляже было мало. И ее там не было. И снова Александр брел с пляжа, еле волоча ноги. И уже привычно бросил издали взгляд на заветную лавочку.

Она сидела на той лавочке и теребила в руках его книжку.
– Саша, мы завтра в восемь утра уезжаем. Спасибо за куртку, она меня и вправду выручила. Она вот тут, в пакете... И я попросить хотела: книжку подпишите на память. Пожалуйста! Я ручку принесла...

Он написал: «Моей нечаянной тезке. Будьте счастливы и свободны!» А потом перевернул книгу, показал на последней странице, где идут выходные данные, свой электронный адрес:

– Если понадобится – свяжись со мной. Мало ли что случится.

– Спасибо, – как-то неуверенно сказала она. И смотрела растерянно. Повернулась и очень быстро пошла к санаторию. И вдруг вернулась.

– Я буду завтра в шесть часов утра на пляже. Надо ведь с морем попрощаться.

На следующий день он ждал ее на пляже с пяти утра. Минуло шесть. И половина седьмого. И семь.

В половине восьмого Александр быстро оделся и побежал к корпусам. Он даже не знал, в каком корпусе они жили. А может, как и он, в коттедже? Должны уехать в восемь, вдруг повезет хоть издали ее увидеть?

Увидел – они садились в синее такси. Уехала.

Уехала...

Остались только несколько снимков, которые он тайком сделал мобильником в бассейне.

* * *

«Как жаль, что не удалось попрощаться с морем и с вами, Саша! Кирилл всю ночь температурил, я не могла его оставить.

Вашу книгу перечитала уже пять раз. Не знаю, из-за текста или из-за автора: и тот и другой мне очень нравятся.

Была рада знакомству с вами. Будьте счастливы! Наташа».

Это письмо Александр обнаружил в своем компьютере уже дома. Обрадовался, написал ответ. Но от нее весточки больше не было.

Значит, надо забыть.

Может, жениться? На верстальщице Оленьке, например. Уже столько лет они друг другу глазки строят, а дальше дело не идет. Да, жениться... Абсолютно новая для него идея. Старееет, что ли?

Хорошо, что уже завтра на работу. Одна радость у него –

работа...

Вечером он снова, в который раз, перечитал Наташино письмо, а потом открыл страничку с курортными фотографиями. Он подолгу всматривался в снимки, сделанные в бассейне. Наташа, Наташа, Наташа... Кирилл грызет персик. Муж Наташи с брюзгливым лицом. Стоп! Где-то он уже встречал этого мужика. Вот с таким же выражением лица он что-то требовал от него, Александра. Или от кого-то другого? Ну да! Александр тогда уже работал в газете и пришел к бывшим коллегам за какими-то сведениями. И там был этот, брюзгливый. Нервничал, требовал, чтобы у него взяли заявление о пропаже жены. Кажется, как раз и взяли, потому что он уже несколько дней ходил.

Что было дальше, Александр не знал. Значит, это Наташа тогда пропадала? Значит, нашлась.

И это значит, что она живет в одном с ним городе?

Если они не переехали куда-нибудь за эти годы...

А он даже не выяснил ее нынешнюю фамилию!

* * *

Золотая медаль была у Наташи единственной на весь район, и в университет она поступила на бесплатной основе.

Училась легко, и все читала ученые труды и классиков. Устроится уютненько на своей коечке в общежитии, зажмет руками уши, чтобы не слышать, как соседки обсуждают свои

любовные похождения, – и все. Ничего не видит вокруг, там, в книжке, живет.

На первом курсе у нее наметился было роман с однокурсником, но быстро выдохся в приятельски-покровительные отношения: парнишка ленился сам конспектировать лекции и вообще сачковал. А она его выручала.

Так она провалялась с книжками до выпускного курса. В городе знала только библиотеки, музеи, соседний магазин и центральный рынок. Ну, еще на автовокзал добиралась без проблем.

А дальше случилось то, что ей, начитавшейся романов про «и вот однажды», показалось этим самым «и вот однажды». Девчонки пригласили к себе парней. А она, как всегда, отвернулась на своей кровати лицом к стенке и читала.

За ее спиной слышались смех и кокетливые голоса, брякали пивные бутылки и звенела посуда. А потом раздались звуки гитары. Кто-то ловко прошелся по струнам, сыграл что-то переливчатое и запел: «Сиреневый туман над нами проплывает...» И сердце Наташи... Дальше можно в любом романе прочитать, что там было с ее сердцем.

Она покосилась через плечо: никто в ее сторону не смотрит. Можно осторожненько повернуться и посмотреть на того, кто поет. Она поворачивалась очень, очень осторожно – так, что ни одна разболтанная пружина не скрипнула под ее немножко лишним весом.

А потом она обнаружила, что стоит за спиной залетного

менестреля.

А потом он замолчал, и одна из девчонок – кажется, Танька Самгина – сказала:

– Обратите внимание, люди! Артур Спящую пробудил! Спасибо Таньке, не все прозвище целиком сказала: Спящая Коровушка.

И под смех соседок он обернулся.

Артур. Пробуждающий.

Он окинул ее взглядом с головы до ног, оглянулся на девчонок и опять повернулся к ней. Вгляделся в ее лицо, словно оценивая что-то. И спросил вкрадчиво:

– А какое у Спящей имя?

– Наташа, – хрипло прошептала она, кашлянула и повторила громче: – Наташа.

В комнате наступила тишина.

Наташа ее не восприняла. Наташа вообще ничего не видела и не слышала тогда, кроме синеглазого парня с гитарой.

А девчонки насторожились. Даже Ленка Петрова, которая уже решила, что Артур будет ее, приготовилась к защите Коровушки. Все три соседки Наташи подумали, что красавчик сейчас как-нибудь обидит ее. Что-нибудь скажет такое...

Они, оказывается, очень хорошо относились к ней. Сами того не подозревая. Может, потому, что Наташа была безотказная: и конспекты свои аккуратненькие давала без возражений и условий, и денег за это не требовала, как другие, и кормила всех привезенными из своего райцентровского го-

родка припасами, и вообще никому не была во вред. Не соперница. Если девчонки приходили компанией, она, как сегодня, отворачивалась и – будто нет ее. Если приходила парочка – вставала и, не отрывая глаз от книги, молча уходила на кухню. И вот... Что же будет? Ну, если он!

Но парень вдруг обнаружил невиданную галантность. Встал, отложил гитару.

– Простите, Наташа, вы стоите, а я расселся как бегемот! Ребята, потеснитесь, пожалуйста, пусть здесь сядет Наташа, – обратился он к оккупировавшим Ленкину кровать, обустроенную под диван. Все молча подвинулись, освобождая место. – Вот и прелестно! Вам удобно? Что вам спеть?

И незаметно пробежало время до момента, когда пришла на шум комендантша и разогнала компанию. Пока девчонки пытались доказать ей, что еще нет одиннадцати, а она в ответ кричала, что такого шума не потерпит и завтра «навалает докладную в деканат», Артур шепнул Наташе:

– Хочешь прогуляться?

– Ой! – Наташа страшно смутилась. Она только теперь поняла, что на ней старые спортивные штаны и не имеющая отношения к слову «размер» футболка. – Я сейчас... Я только надену что-нибудь другое.

Сиреневый туман над чем-то там проплывает...

Они бродили и бродили по апрельским улицам, пока не замерзли. В общежитие было уже не попасть – три часа ночи!

Артур предложил пойти к нему. Но хоть и дурманил Наташе голову сиреневый туман, она отказалась. И Артуру пришлось подкупать строгую вахтершу в общежитии, чтобы тапустила загулявшуюся студентку.

В однокомнатную квартиру, вполне уютно обустроенную, Наташа согласилась зайти дней через десять.

Утром, после того, как «все преграды между ними пали», он, смеясь, произнес сакраментальную фразу, что, как честный человек, он обязан на ней жениться. И уже серьезно сказал, что даже не предполагал в наши дни встретить невинную девушку. И очень рад такому подарку судьбы. Через месяц они просто зарегистрировали брак – без лишних людей и шумной свадьбы. Артур ни за что не согласился ждать, когда она сдаст зачеты и защитит диплом. А она не хотела перечить жениху. За неделю до этого события приехала его мать – очень эффектная, дорого одетая. Выпила чашку кофе, улыбалась, что-то рассказывала. Но вопросы кое-какие задала – как бы невзначай. Прощаясь, сыну кивнула одобрительно.

* * *

Из загса Артур привез ее к незнакомому, новому дому – из «элитных». И торжественно внес ее на руках в огромную и еще полупустую квартиру. Поставил в холле на пол, покрытый у порога терракотовой плиткой, и повел по квартире за руку.

Она, раскрыв рот, шла из комнаты в комнату, в огромную кухню, ванную...

– Слушай, Артур... Это все – твое?

Он засмеялся, схватил ее в охапку, закружил...

– Наше, Натка! Наше!

– Постой! Да постой же! А та квартира?

– А та была – моя! Я ее теперь продаю.

– Ты говорил, что работаешь в агрофирме... Кем?

– Управляющим подразделением. Это большая должность.

Наташа только глазами хлопала. Артур хохотал.

– Ты разочарована?

– Нет, конечно... Ты, оказывается, любишь розыгрыши?

– Это не розыгрыш, а сюрприз! Тебе что-то не нравится?

Конечно, ей все нравилось. Только в душе вдруг шевельнулось тревожащее чувство неловкости: оказывается, она очень мало знала о своем муже.

Полностью обставленными были только спальня и кухня. Потом, пока Наташа защищала диплом, ее молодой муж заполнял комнаты мебелью. Наташа, поглощенная университетскими заботами, участия в этом не принимала.

А потом был выпускной бал. На следующий день после него Артур с утра куда-то уехал. Вернулся под вечер. Зашел с таинственным видом и за руку втянул за собой мальчика лет пяти-шести. Подтолкнул мальчика вперед, присел рядом с ним на корточки и жизнерадостно заявил:

– Ну, вот и мы! Познакомься, Наташа, это мой сын Кирилл. Кирка, а это и есть та самая Наташа.

Наташа совершенно растерялась. Стояла с опущенными руками, с застывшей улыбкой на губах и роем вопросов в голове. Рой гудел, поэтому голова вдруг очень сильно заболела.

А Артур спокойно, как ни в чем не бывало, спросил:

– Ужинать будем? Мы с Кириллом голодные.

На нее он при этом не глядел.

– Да, конечно, – машинально ответила Наташа и пошла на кухню, надеясь, что это просто сон. Вот сейчас она проснется – и все будет как всегда, рядом будет сладко спать ее любимый. И никаких странных сюрпризов не случится.

Но сон все длился. И был каким-то слишком уж подробным, набитым массой бытовых мелочей. Она грела ужин, ставила на стол тарелки, включала чайник... Артур с Кириллом переодевались, мыли руки, о чем-то говорили. На нее никто не обращал внимания. Зачем ей снится этот сон?

За ужином она так и не успела сесть с ними за стол. У Кирилла оказалось очень много претензий. Сначала он неприятно удивился, что у него нет ножа: «А как я буду есть?» Потом потребовал, чтобы ему подали еду «такую, как у бабушки».

– А что тебе давала бабушка, Кирилл? – Наташа протянула руку, чтобы погладить его по голове. Он демонстративно отшатнулся и смерил ее очень взрослым холодным взглядом.

– Котлеты и жареную картошку.

– Но...

Перед ним стояла тарелка с котлетой и жареной картошкой. Ее стряпню всегда все хвалили. Артур, кстати, тоже хвалил.

– Как у бабушки, я сказал!

Наташа беспомощно глянула на мужа. Он поморщился с досадой. В чей адрес досада – было непонятно.

– В прихожей стоит сумка. В сумке контейнеры с едой.

Она поплелась в прихожую, нашла в сумке две красивые вакуумные упаковки – с котлетами и картошкой. Котлеты в форме торпед, обжаренных в сухарях, картофель – аккуратными брусочками, как в рекламе.

И это пища для ребенка! Что с его печенью будет?

– Только грей на оливковом масле. Есть такое? – снова сказал муж.

– Есть...

Не все ли равно, на каком масле подогревать пережаренные сухари и пропитанный жиром картофель? Еще и не известно, каким жиром... А завтра чем она будет кормить сына Артура?

Они поели. Артур обычно благодарил ее за трапезу поцелуем, но сейчас ограничился одним «спасибо». И увел сына в комнату, которую Наташа запланировала как детскую для их с Артуром детей. Оказывается, это и была детская. И ребенок уже был. Через несколько минут Артур позвал ее:

– Надо постелить Кирке постель. Достань белье из сумки. И там же лекарства. И пижаму не забудь. Я его пока помою. Да, там же должно быть большое синее полотенце – принеси в ванную.

Наташа сделала все, что было... приказано, – да, вот именно приказано, распоряжения Артура никак нельзя было называть просьбой, – и ушла на кухню мыть посуду.

Она слышала, как весело шумел душ, как Кирилл пищал, что ему шампунь в глаза залез. Потом Артур на руках отнес сына в детскую и закрыл дверь.

Наташа села у стола, машинально сунула в рот ломтик «своей» картошки – и вдруг поняла, что не может его проглотить. Горло словно узлом завязали.

Еще сегодня утром, проводив Артура, она обошла всю квартиру, посидела во всех креслах. Потом долго валялась в ванной, рассматривая то свои ноги, то руки, то грудь. Он говорит ей, что она красивая. А она всегда считала себя неуклюжей. Коровушкой, как говорили однокурсницы. А в нее влюбился самый красивый, самый умный мужчина на свете! Да еще и эта квартира! Вот уж не думала, что он еще и такой состоятельный. Но это не важно. Хоть и приятно.

За месяц, пока они встречались, девчонки, отойдя от шока – в нее! Нашу Спящую Коровушку! Влюбился! Такой мальчик!!! – научили ее кое-каким женским премудростям. Как наносить макияж, как одеваться, как смотреть, как ходить. Они же сводили ее в парикмахерскую.

За месяц, пока они встречались, она похудела на два размера. Подтянулась, похорошела. Так похорошела, что девчонки уже не удивлялись, как в нее мог влюбиться такой мальчик.

А она ничего не знала об этом мальчике.

Сиреневый туман, это все сиреневый туман виноват.

Наташа прибрала на кухне, приняла душ и пошла в спальню.

Вошла и замерла у постели. Вспомнила, как утром убира-ла ее. Долго гладила и нюхала подушку Артура, а когда уложила ее на покрывало, то еще и поцеловала. А сейчас постель была чужой. Злой. Насмешливой.

Она так и стояла, глядя на кровать, когда зашел Артур. В халате, в руках бутылка минеральной воды и стаканы. На свежеевыбртой физиономии – спокойная улыбка.

– Будешь? – кивнул он на бутылку.

Она отрицательно качнула головой и начала складывать покрывало. Артур привычно присел на край письменного стола, налил себе воды, сделал глоток. Наташа спиной чувствовала его взгляд. Но какой он был, этот взгляд, – представить не могла. Может, он ухмыляется там? Опять удалось разыграть жену! Устроить ей такой сюрприз!

И вдруг Артур заговорил. Нет, в голосе не смех, скорее, волнение.

– Ты пойми, я же не могу, чтобы мой сын так и рос у бабушки-дедушки. Тем более с его болезнью.

Наташа быстро обернулась.

– Что с ним?

– Какая-то чертовщина с нервами... – Артур поморщился, отхлебнул минералки, встал, прошелся по комнате. – Ладно, скажу: я уверен, он такой потому, что мать его... не хотела. Да еще родители у нее алкаши. Ну, вот это и отразилось на нем. Что так смотришь? Хочешь спросить, где моя первая жена? Сбежала. С байкером каким-то из города смылась. Я, дурак, ее искал, по моргам бегал, по ментовкам. А она...

Наташа в один миг забыла про обиду. Тут вон что творится...

– Ужас какой... Бедный мальчик, – пробормотала она.

– Он не бедный! У него есть я! И я все сделаю, чтобы он был доволен жизнью, – почему-то зло ответил Артур.

Он снова уселся на край письменного стола, глотнул воды, посидел-посидел и примирительно улыбнулся Наташе. Наташа его улыбку демонстративно не заметила.

– Почему ты мне раньше все это не рассказал?

– Да понимаешь... как-то так... все не до того было... Все так быстро... – Артур говорил небрежным тоном, однако взгляд у него был напряженным. – Ну какая разница, когда рассказал? Да, у меня сын. Это что-то меняет? Или тебе это принципиально не нравится? Ты не переносишь детей?

– Разве в этом дело?

– Нет, ты ответь. Не переносишь?

Наташа мельком подумала, что на ее вопрос он-то не ответил. И тем, как она относится к детям, он раньше, до свадьбы, не интересовался. Она ведь даже не знает, хочет ли он детей, их совместных, она почему-то решила, что это само собой разумеется.

– Ты что молчишь? – раздраженно спросил Артур. – Ты что, детей не любишь? Или боишься, что не справишься?

– Люблю. Нет, не боюсь, до сих пор справлялась же. Сестренка у меня на руках выросла. Только...

Наташа хотела сказать, что только ведь она о своих мечтала. Нет, она совсем не против Кирилла. Но почему Артур ничего не сказал раньше? Это ведь странно – скрывать от человека, с которым собираешься разделить судьбу, самые важные в жизни вещи. И очень обидно. Неужели он не понимает?

– Ну, вот видишь, как все хорошо, – не дал ей закончить фразу Артур. – Кирка, правда, не сахар, с ним нужно по-особенному... Ну, это я тебе все потом расскажу, постепенно. И вообще, с чего ты так напряглась? Будешь за ним ухаживать – и только. Вполне женское дело. А в остальном... Ты прикинь: я не пью, не курю, не колюсь и по бабам не бегаю. Чего там еще? А! Я обеспеченный человек и буду становиться все обеспеченней. Квартира эта – она же тебе нравится? Шмотки, отдых в хороших местах планеты – это будет, как у взрослых. Скажешь, плохой вариант замужа?

Так нельзя говорить, – вяло запротестовал в ней фило-

лог, – надо – «замужества»». Но это была так, посторонняя мысль. Она мелькнула с краю одной, главной мысли: почему он скрыл? Почему? Почему?

Этому должна быть настоящая причина, а совсем не те невнятные объяснения, которые она просто не поняла.

Почему?

Артур вдруг оказался рядом. Он целовал и гладил ее, бормоча: «Наташка, Наташка, вот увидишь: все у нас будет хорошо! Вот увидишь!» Она сначала отталкивала его, говорила, что так же нельзя, что ребенок – это серьезно, а он... Надо было их раньше познакомить, чтобы разобраться, сможет ли она с ним поладить. Что, она против, что ли? Только так же нельзя! Но он все целовал, и гладил, и трогал ее. И каждое его прикосновение стирало этот вопрос, бьющийся в голове как язык колокола.

И колокол умолк.

Вопрос остался. Сполз в подсознание и залег там до поры до времени.

В ту ночь они с Артуром, даже не разомкнув объятий, мгновенно провалились в сон.

А утром – замороженное лицо Кирилла и его требование, чтобы на столе стояла еда «как у бабушки».

– Чем же его кормить? – растерянно спросила Наташа у Артура.

Он начал с апломбом:

– Я зарабатываю, ты – трати... – Но вдруг, словно что-

то вспомнив, оборвал тираду, опустился на корточки перед сидящим с каменным лицом сыном: – Кирка! Я все ел, все вкусно. Ты чего кочевряжишься? Наташа готовит очень хорошо. Не хуже, чем у бабушки!

Кирилл молчал, глядя поверх отцовской головы. Артур некоторое время ждал ответа, потом легко поднялся с корточек, потрепал сына по волосам.

– Ты все-таки поешь... Сам понимаешь: с голоду и умереть недолго. А в субботу к бабушке поедем... Договорились?

– А сегодня что? – отмер Кирилл.

– Уже среда! Еще три денечка потерпишь?

Мальчишка вздохнул и взял в руку вилку. С брезгливой гримасой положил в рот кусок творожной запеканки, медленно разжевал, проглотил, снова положил в рот кусок, уже без кривляния...

– Ну, вот видишь, вкусно же, – усмехнулся наблюдавший за ним Артур.

Кирилл бросил на Наташу косой взгляд, пожал плечами, но есть продолжал.

– Так, я пошел деньги зарабатывать. Наташ, ты все поняла с лекарствами?

– Да, Артур, не волнуйся, все будет хорошо.

– Обязательно погуляй с ним. И не разрешай у компьютера долго сидеть. Слышишь, Кирюха? У компа сидеть не больше сорока минут!

– Слышу, – мрачно ответил мальчишка. – Ты скорее приходи. А бабушке позвонить можно?

– Конечно, можно...

С бабушкой Кирилла, своей свекровью Ольгой Викторовной, Наташа виделась всего несколько раз. Синеглазая шатенка, как и Артур, и Кирилл, красавица. Жена генерального директора самой большой в области агрофирмы, ранее – директора крупного совхоза, переименованного на современный лад и сменившего форму собственности. Владелица загородного особняка, сильно смахивающего на средневековый замок в миниатюре.

Господи ты боже мой, ведь она так помогала Наташе подготовиться к регистрации наряд, была такая ласковая, и с Наташиной мамой Марией Павловной, кажется, вполне ладила... А сама скрывала внука!

Ей-то это зачем понадобилось?

Наташа обиделась и рассердилась. Это что же означает: о ней даже не думали, если не посчитали нужным сообщить о ребенке, о котором, как предполагалось, именно она и должна была заботиться? И все это можно объяснить нелепым и явно лживым «забыл, не до того было, не имеет значения»? Забыть сказать о собственном ребенке! Тем более о больном ребенке! Так разве бывает?

Больной ребенок. Артур утром ее предупредил, что может происходить с его сыном: внезапный жар и даже обморок. И все это от малейшего стресса.

Они остались вдвоем. Впервые. Кирилл медленно доедал запеканку, опустив глаза в тарелку. Наташа налила ему чай.

– Кирюша, тебе сколько ложечек сахара положить?

Он посмотрел на нее как на ненормальную.

– Мне нельзя чай, не знаешь, что ли?

– Не знала... – растерянно ответила Наташа. – А что ты пьешь?

Кирилл молча аккуратно положил вилку, вылез из-за стола и пошел из кухни. Наташа растерянно смотрела ему вслед, не зная, что делать. Даже окликнуть побоялась – кто знает, что может оказаться стрессом для больного ребенка?

Однако через пару минут Кирилл вернулся, сунул в руки Наташи какую-то бумагу и снова сел за стол.

Наташа развернула вчетверо сложенный лист. Это была распечатка текста, озаглавленного бюрократически: «Рекомендации по питанию Кирилла». Далее следовала таблица из трех столбцов: «Можно», «Нельзя» и «Ограниченно можно». Почему Артур забыл о такой важной вещи?

– Я тебе сейчас быстро сделаю морковный сок. Да, Кирюш?

Он молча кивнул, водя вилкой по скатерти.

– А потом мы вдвоем сходим на рынок. Ты же один дома не останешься, наверное?

Да что же это такое! Почему у нее все выходит так деревенно? Чего она боится? Кого?

Она чистила морковь и придумывала, как найти общий язык с ребенком. Ничего толкового не придумывалось. Она же совсем, совсем ничего о нем не знает...

– Кирюшка, ты чего все молчишь? Рассказал бы, как бабушка поживает, чем ты у нее развлекался.

– А ты кто? – вдруг подозрительно спросил Кирилл.

– Как это – кто? – растерялась Наташа.

Что говорить? Папина жена? Твоя новая мама? Ох, там какие-то сложности были... Вдруг для него это будет стрессом? Если от нее скрыли его, то что говорили ему о ней?

– погоди, Кирилл, мне надо позвонить. Срочно! – И она кинулась к телефону в спальне, закрывая за собой все двери.

Артур ответил после первого же сигнала.

– Что-то случилось? – Голос у него был встревоженный.

– Артур, он спрашивает, кто я! Что говорить?

Молчание. Потом неуверенно:

– Может быть, сказать, что ты – его няня? Пока он к тебе привыкнет, а? А потом...

Наташа задержала дыхание, помолчала и как можно спокойнее предложила:

– Может быть, мне лучше действительно быть просто его няней? Как ты думаешь, Артур: мы разведемся, и тогда я могу честно сказать ему, что я – просто няня.

– Наташенька, золото мое, не сердись! – почти закричал Артур. – Сейчас просто скажи, как я прошу, а вечером поговорим... Ну, пожалуйста!

Наташа бросила трубку и заходила по спальне, грызя свой недавно выращенный маникюр. Куда она влипла? Разве так бывает? Почему с ней так поступают? Почему, почему, почему?!

Дверь спальни сначала тихонько приоткрылась, потом распахнулась настежь. В проеме возник хмурый Кирилл.

– Я хочу гулять! – заявил он.

– Сейчас пойдем. Подожди в своей комнате.

Получилось резко. Она сама слышала в своем голосе досаду и нетерпение.

Глаза мальчишки расширились и моментально налились слезами. Втянув голову в плечи, он развернулся и понуро поплелся прочь. Наташа спохватилась, кинулась вслед, виновато бормоча:

– Кирюша, не плачь, я не хотела тебя обидеть! Я просто была расстроена, вот и...

Он остановился и, не оборачиваясь, снова спросил:

– Ты кто?

– Няня я твоя, няня, – торопливо сказала Наташа. А вдруг он сейчас в обморок упадет – из-за нее? И что ей тогда делать?

Но, похоже, Кирилл не собирался падать в обморок. Он повернулся к ней и торжествующе заявил:

– Если ты моя няня, то должна меня слушаться!

Так, надо перечитать лекции по педагогике и по психологии. Если бы она заранее знала, что ей предстоит... такое!

Ну почему, почему Артур ничего ей не сказал заранее? Он не имел права так с ней поступать!

– Няня не должна слушаться ребенка. Она должна его воспитывать, присматривать за ним, – ответила она как можно мягче.

– Няня – это служанка! – заявил сын Артура и надменно вздернул подбородок.

Наташа дернулась, словно от пощечины. Отвернулась от Кирилла, шагнула в спальню и захлопнула за собой дверь. Ни минуты! Ни минуты она здесь не задержится! Уйдет вот прямо сейчас, только возьмет свои документы – и уйдет.

Она, наверное, и ушла бы. Но как оставить больного ребенка одного в квартире?

Ладно, она стиснет зубы, пойдет сейчас с ним в парк, потом накормит обедом и будет ждать Артура. И тогда – все! Ни минуты!

За дверью слышался шорох и какой-то треск. Ну что там еще происходит? Наташа выглянула в коридор. Кирилл стоял прямо за дверью и обдирал со стены новенькие обои.

– Мы идем гулять, – мельком глянув на него, холодно объявила Наташа.

– А ты говорила – на рынок, – обличающе сказал Кирилл.

– И на рынок тоже...

– Купи клубники и бананов, сделаешь мне фреш, – повелительным тоном распорядился Кирилл, как только они во-

шли на территорию рынка.

– Хорошо, – равнодушно отозвалась Наташа.

Кирилл с сомнением посмотрел на нее, подозрительно спросил:

– А ты умеешь делать фреш?

Откуда она знает, умеет или нет? Сейчас он опять будет фыркать и презрительно коситься...

– Сначала надо мясо и рыбу выбрать, а фрукты – потом, – сказала она. – Может, тебе мороженого купить, чтобы не скучно было?

– Еще чего! – фыркнул Кирилл. – Чтобы я весь обляпался на ходу? Мороженое надо есть за столом. И вообще, все надо есть за столом.

– Какой воспитанный мальчик, – пробормотала Наташа. – Ну, тогда не отставай и не отвлекай меня.

Кирилл обиженно сверкнул синими отцовскими глазами и насупился.

И потом ходил рядом, как тень – такой же безмолвный и неотвязный. Неотвязный... Если она останется, то этот мальчишка станет ее жизнью. Больше ни на что не останется ни желаний, ни времени, ни сил.

Несправедливо это! Она хотела совсем другой жизни. Она хотела, чтобы у них с Артуром родились девочка и мальчик. И росли бы, любимые и лелеемые ею, веселыми и здоровыми. Артур бы возился с сыном, нежничал с дочкой. Отчитывал бы Наташу за то, что балует детей. Или, наоборот, за

то, что слишком с ними строга... А она, уложив детей спать, слегка ворчала бы на кухне за чаем, жаловалась бы мужу, что устала, что дети совсем не оставляют ей времени на себя. Почитать – и то некогда.

А вон что вышло.

Занятая этими мыслями, Наташа накупила столько, что поняла: гулять с такой ношей нельзя.

– Мы сейчас на минутку зайдем домой, оставим там всю эту тяжесть, а потом пойдем в парк, ладно? – сказала она, направляясь к остановке троллейбуса.

– Возьми такси, – бросил Кирилл.

Наташа молча потащила пакеты к стоянке такси. Вдруг ее левую руку что-то дернуло. Она автоматически сжала ручку пакета крепче и оглянулась. Кирилл пытался вытащить из ее руки какую-нибудь из сумок.

– Что ты? – спросила она, с трудом скрывая раздражение.

– Дай я что-нибудь понесу! – потребовал мальчишка.

И тут Наташе стало стыдно. Она поставила пакеты на землю.

– Ты лучше здесь посторожи, а я добегу до машины...

– Давай.

* * *

Артур ехал домой и волновался. После утреннего звонка Наташа больше не тревожила его, а он... трусил. И теперь

ему представлялась такая картина: Кирка лежит с температурой, а Наталья ждет с собранными чемоданами.

Почему он был уверен, что лучше поставить ее перед фактом, что у него есть сын? Теперь уже он не помнил всей цепочки рассуждений, но помнил, что вывод был железный. сыну и новой жене ничего не объяснять, они должны сами найти путь друг к другу. Нет, не так. Она сама должна найти путь к его ребенку. И если не найдет – что ж, ее проблема.

Ему не понравилось собственное волнение, когда он вез домой Кирку. Не понравилось, что он кинулся ей что-то объяснять. И так позорно юлил, когда она позвонила. И сейчас откровенно трусит.

План жениться на доброй и неизбалованной девчонке он придумал уже давно. Она должна быть подходящей на роль мамы его сына. Она должна быть благодарна за то, что он... Да за все. Она должна быть тихой, спокойной, покорной. Он видел себя повелителем. Оставалось найти такую девчонку, хотя надежды, конечно, было мало. Где они, покорные, в наше время? И когда он увидел Наташу – тут же решил: вот она, примерная девочка. Она всегда будет смотреть на него зачарованными глазами и ловить каждое его слово. То, что он сумел узнать о ней потом, подтверждало его первое впечатление. Он все правильно запланировал.

А теперь он трусил.

Что же делать? Если Кирке сказать, что Наташа – папина жена, вдруг он спросит: «Значит, она – моя новая мама?» А

ведь вспомнить страшно, что с ним творилось, когда Вероника исчезла. С тех пор слово «мама» в семье – табу.

Артур стоял перед дверью собственной квартиры, стараясь услышать, что за ней делается. Упрекнул себя, что нет время: понятно же, что из-за такой двери, даже если бы что-то там и делалось, он все равно ничего бы не услышал. Глубоко вдохнул, медленно выдохнул и осторожно повернул ключ в замке, стараясь, чтобы ничего не щелкнуло.

В доме было тихо, только из Киркиной комнаты доносился тихий голос Наташи. Артур прислушался: судя по интонациям, она читает Кирке сказку. А раз читает, значит, с сыном все благополучно. Артур успокоился, неторопливо переобулся в тапки, тихонько приоткрыл дверь детской и заглянул в щелочку.

Уют, полумрак, засыпающий под сказку ребенок.

Идиллия.

Как больно...

Если бы Ника была такой, как Наталья...

Но его любимая, его ветреная жена – бывшая жена – была антиподом Натальи.

* * *

Он, благонамеренный молодой человек из очень обеспеченной и довольно высокопоставленной семьи, выпускник английского колледжа, в тот день вернулся в Россию и теперь

ехал из столицы в родные пенаты. Была роскошная июльская ночь – вернее, слегка за полночь. Он уже подъезжал к повороту в город, как вдруг на дорогу выскочил человек и запрыгал, отчаянно размахивая руками. Артур резко нажал на тормоз, и человек мгновенно прыгнул к нему на переднее сиденье, вопя: «Газуй! Скорее!» Он, невольно заражаясь чужой паникой, рванул с места, не сразу поняв, что к нему в машину прыгнула девчонка.

А девчонка, извернувшись на сиденье, тревожно смотрела назад. Через некоторое время она облегченно вздохнула, села удобнее и достала откуда-то из-за пазухи сигарету.

– Огонь есть?

– Не курю.

– Фу ты, ну ты! Да мы паиньки? – ехидно пропела она и завозила в карманах своих узких джинсов, буквально извиваясь на сиденье. Наконец ее возня увенчалась успехом, она прикурила и опять облегченно, со стоном, вздохнула.

Артур покосился на свою пассажирку. Она курила короткими затяжками и стряхивала пепел себе под ноги. Он молча открыл окно с ее стороны. Она коротко глянула на него, хмыкнула, но тут же выкинула окурочек в окно.

– Куда вас доставить? – вежливо спросил он, чувствуя, что она его искоса разглядывает.

– Нелюбопытный. Клево. Другой бы уже вопросами заколебал: от кого бежала, да кто такая, да что стряслось... Ты почему такой нелюбопытный?

– Вы так эффектно голосовали, что я до сих пор в себя не пришел, оттого и нелюбопытный, – холодно сказал Артур.

Она хихикнула, похлопала его по плечу и без заметной благодарности сказала:

– Спасибо, мэ́н, ты меня спас. Скорее всего, от смерти.

– Неужели все так серьезно?

Он впервые посмотрел на нее внимательно. Но разве согласишься незнакомого человека в бегущих бликах дорожных огней? Ему не нравился запах попутчицы – от нее тянуло сладковатым дымком. Какая-то конопля, наверное. Да и что порядочное могло выскочить из лесополосы в полночь? Скорее бы от нее избавиться...

– Ну, так куда едем? – уже нетерпеливо спросил он.

– А к тебе нельзя?

– Зачем? Или у вас дома нет?

Она достала новую сигарету, прикурила – зажигалку она больше не прятала, крутила ее в руках.

– Дом-то есть, да там так хреново! Маманька со своим сожителем и их собутыльники. Вонь, грязь, собутыльники лезут... Мэ́н, а поехали к тебе? Нет, ты не думай, я не в постель напрашиваюсь. Этого от меня еще очень добиваться надо. Я ж вижу, ты упакованный, небось, жилье нехилое имеешь.

– Я к родителям еду. Но если вам так необходимо где-то переночевать, отвезу вас в свою квартиру. Правда, там пусто, только диван и стоит.

– Так это же клево! Вези.

Ругая себя на чем свет стоит за опрометчивость, столь ему не свойственную, Артур повернул на дорогу, ведущую к его еще необжитой однокомнатной квартире. Родители только месяц назад подарили ее ему – заманили к себе поближе. А он сразу везет туда незнакомую и очень подозрительную девушку! Где его мозги? Неужели все на учебу истратил?

Пока ехали в лифте на девятый этаж, он немного рассмотрел неожиданную гостью. Ничего девочка, можно сказать, вполне в модельных параметрах. И даже, вопреки его подозрениям, не вульгарная – косметики на юном личике почти нет, разве что тушь вокруг глаз размазалась. А когда девушка стащила бейсболку, надетую назад козырьком, и трянула головой, по плечам, словно мед, растеклись тяжелые пряди медового же цвета, медового же свечения...

– Однако! – открыв дверь, вслух удивился Артур. За то время, пока он защищал диплом, родители и обставить квартиру успели. – Я вас обманул, здесь уже полный уют.

– Да уж, офигеть... Ты теперь меня здесь, небось, и не оставишь, – задумчиво предположила гостья.

– Оставляю, раз обещал, – вздохнул Артур.

Она порассматривала его прищуренными глазами, недоверчиво спросила:

– И что, паспорта не посмотришь?

– Что-то я сомневаюсь, что вы его с собой носите.

– Правильно сомневаешься. Но ты не бойся, хату я не спалю, не обнесу и хахалей водить сюда не собираюсь. Я, как ты

уже понял, не из тех.

– Стоп, ты здесь только переночуешь! – Артур от возмущения перешел на «ты», даже не заметив этого.

– Не, я немножко поживу. В конституции что сказано? Каждый гражданин имеет право на отдых. Вот. Считай, что ты меня не только от смерти спас, но и от переутомления невыносимыми бытовыми условиями. Суперски благородно.

Артур смотрел на нее, совершенно не представляя себе, что говорить и как себя вести.

– Зовут меня Ника. Вероника Витальевна Верникова. «В» в кубе, запомнишь?

– Запомню. Пойдем, покажу, где что, – обреченно буркнул Артур и глянул на часы. – Ого! Тридцать пять второго. Давай-ка в темпе.

– Ну-у нет, так гостей не встречают! – Вероника скинула босоножки и уверенно, словно жила здесь уже давным-давно, пошлепала по паркету в кухню. – Ты меня кофеем напои, постель выдай, а потом можешь и к мамочке ехать. Ух ты, какая плита! А гарнитурчик!.. А техники сколько! Хай-тек, холостяцкий рай.

Артур почему-то тоже разулся и в носках прошел вслед за Вероникой.

– У меня здесь вряд ли еда есть.

Но спасенная от смерти и переутомления бытовой неустроенностью девица уже распахнула дверцу «Электролюкса», заглянула в него и, отступив в сторону, рекламным

жестом указала на сияющее светом нутро холодильника.

– А это, по-твоему, что, бытовые отходы?

Хм. Мама ни о чем не забыла: свежие овощи и фрукты, сыры нескольких – его любимых – сортов, колбаска, бекончик, яйца, красная икра... Холодильник был забит полностью.

А Вероника уже сновала по кухне, открывала шкафчики, ставила чайник на огонь, выкладывала и выставляла на стол ассортимент «Электролюкса», все время что-то восклицая и приговаривая. У Артура даже голова закружилась – ну и вихрь эта девушка из лесополосы! Прямо торнадо. Он сел на прозрачный стульчик и стал молча наблюдать за деятельностью нечаянной гостыи.

– Слушай, – вдруг спохватилась она, обернулась к нему и замерла с вскипевшим чайником в руках. – А тебя-то как звать?

– Артур.

– Красиво. Стильно. Сильно, – одобрительно кивнула Ника, открывая банку с кофе. – М-м, как пахнет! Сразу видно – не ширпотреб. Не хило тебя шнурки содержат. Папенька-то у тебя кто будет?

– Вот кем он будет, покажет время, может, еще дойдет до самых вершин, – усмехнулся Артур. – А нынче – гендиректор и владелец большого пакета акций «Русского поля».

– Вона как! И, говоришь, еще выше хочет? – насмешливо заметила Ника и вскрыла баночку с икрой. Сунула туда па-

лец и с причмокиванием его облизала.

Артур внимательно проследил за этим процессом, встал и неприязненно сказал:

– Ну вот что, Ника, мне некогда, я поехал. Ты тут ужинай, а белье, судя по всему, найдется в комнате, в шкафу. И вот еще что... У тебя телефон есть? Давай мне его, я срисую номер. Если что – позвоню. И ты быстро слиняешь отсюда, уничтожив все следы своего пребывания.

– Если что – это визит твоих шнуров?

– Слушай, может, у тебя родители и шнуры, и предки, и так далее, а у меня – мать и отец! – вскипел он.

Но Ника не потеряла хладнокровия. Вытянула из-за пазухи телефон на цепочке, сняла через голову, сунула его Артуру, встряхнула своими медовыми волосами и вернулась к процессу насыщения. Причем икру она продолжала есть с пальца.

Артур записал номер ее телефона и, не прощаясь, ушел. Всю дорогу он то смеялся, то злился. Дело в том, что Ника, облизывающая с пальцев икру, пробудила в нем пресловутый основной инстинкт. И в то же время вызвала брезгливость. Впрочем, брезгливость возникла еще в машине, когда он учуял запах сладкого дыма. Но потом был момент восторга – когда он увидел ее необыкновенные волосы.

Слишком разные ощущения вызвала в нем эта девчонка, выскочившая перед его машиной, как черт из табакерки, чтобы не думать о ней.

Следующим утром Ольга Викторовна сказала, что хотела бы съездить с Артуром на его квартиру.

– Мы тебе там сюрприз приготовили, – таинственно улыбнулась она. Пришлось звонить Нике с требованием срочной эвакуации.

– Я-то, конечно, слиняю. Временно. Но учти, икру я съела и банка кофе уже открытая. Да и постельное белье распечатано и смято, и полотенца влажные. Ванна у тебя – отпад!

Он не дослушал и молча отключился. Рассказать маме, что уже видел их с отцом сюрприз? И даже оставил там подозрительную во всех отношениях девушку?

– Ма, мне Толян позвонил, они пикник организуют. Между прочим, в мою честь! – соврал он.

– Ну что ж, отложим до завтра.

И Артур поехал в свою квартиру ликвидировать следы присутствия посторонних. Эта Ника, думал он, просто как пиратский корабль – взяла его на abordаж. Где были его мозги? Сам виноват, нечего было подбирать на ночной дороге незнамо кого. Нечего было везти в свою квартиру незнакомую шальную девчонку.

Нечего было засматриваться на ее медовые волосы...

Ладно, она ушла – и все. Нечего об этом теперь думать.

...Ника и не думала уходить. Она лежала на диване, грызла миндаль в шоколаде и смотрела телевизор. В квартире, правда, был порядок, но вид у нее был такой обжитой, словно

обитали в ней не один месяц. Даже не вид – дух, атмосфера. Жилище было заполнено Никой.

– А, это ты! – лениво протянула она, даже не делая попытки встать. – А маменька где?

– Тебе не кажется, что ты обнаглела? А если я вызову милицию и скажу, что ты проникла в квартиру без ведома хозяев? – возмутился Артур.

Ника резко села:

– Имеешь право... И упекут меня, несчастную, в тюрьму...

Тут Артур увидел, что на ней нет ничего, кроме свободной черной футболки. Молодой самец в нем отреагировал мгновенно и однозначно. Но злость на себя была сильнее гормонального взбрыка. Он отвел от соблазна глаза.

– Оденься и пойдем посмотреть, что нужно купить для восстановления... изначальной картины.

Ника смерила его взглядом с головы до ног и откинулась на спинку дивана, закинув ногу на ногу.

– Ты что, девственник? Или... О! Ты в монастырь собрался! Семинарию окончил, да? То-то, смотрю, не куришь, ко мне вчера даже и не подумал клеиться. А жаль, если в монахи подашься. Ты такой... красивенький.

– Я тебя сейчас просто вышвырну в чем есть! – пригрозил Артур, быстро ушел на кухню и уже оттуда крикнул: – Между прочим, если тебе жарко, включила бы кондиционер!

– Да я только икры баночку оприходовала. Ну, кофе пару

чашек выпила, – неожиданно раздался за спиной голос Ники.

Она вошла абсолютно бесшумно, или он оглох от бешеного шума крови в ушах?

– Да ешь ты все, что хочешь! Я только должен знать, что надо купить взамен!

Артур обернулся к ней и забыл, что хотел сказать. Она стояла за его спиной близко, почти вплотную. От нее пахло совсем не так, как ночью. От нее пахло долго нежившимся в пенной ванне молодым женским телом.

Так стремительно, можно сказать, в три шага – машина, квартира, тело – она и ворвалась в его жизнь, такую продуманную наперед, такую правильную, комфортную и безопасную.

В родительский дом он вернулся только утром следующего дня, оставив ей деньги на заполнение брешки, образованной ее вторжением. Она пообещала все привести в порядок и уйти после его звонка. И следы своего пребывания скрыла так, что Ольга Викторовна ничего не заметила. Однако когда Артур позвонил и объявил отбой тревоги, Ника сказала, что уже вполне отдохнула и в его квартиру не вернется.

– Да ладно тебе! Обиделась, что ли? – не поверил Артур. – Давай, приходи, мать больше не приедет...

– Я тебе не девка по вызову! – грубо ответила она и отключилась. И сколько он потом ни звонил, сбрасывала вызовы.

Артур разозлился. Что она о себе думает? За кого она его

принимает? Она что, ожидает, что он будет ее умолять?..

И уехал в Испанию – родители подарили тур. Никакого удовольствия. Солнце, море, горы – ну и что? Тоска. Пустота. И вдруг – звонит!

– Ты куда исчез?

– Я в Испании...

– Ух, ты! Ну, тогда пока! – И гудки отбоя.

Он, чертыхаясь, принялся ей звонить. Слава богу, взяла трубку! Правда, после десятого сигнала.

– Я приеду через неделю! Приходи, а?

– Там видно будет, – весело сказала она.

И снова отбой.

Он поменял билет и вылетел домой в тот же день.

...Она появлялась, когда он уже отчаивался ждать, и уходила, когда он думал, что вот теперь-то уж никуда не денется... Такое с ним за двадцать три года жизни было впервые. С ним, кому стоило лишь бровью шевельнуть, чтобы получить понравившуюся девчонку!

И вовсе не потому, что был мальчиком-мажором. Не на денежки клевали девочки – на него самого. А уж если его песни под гитару слышали!.. Кто сказал, что в наши дни девушкам не нужна романтика?

Нике он тоже как-то спел. Про кошку, которая «гуляет сама по себе и лишь по весне с котом». Про то, что «он любил ее, а она любила летать по ночам».

– А мне у «Машинки» больше про изменчивый мир нра-

вится... – Она забрала у него гитару и, неумело взяв пару аккордов, отложила в сторону. – Ну ее, эту музыку. Не интересно.

* * *

Наташа слышала, как приоткрылась и снова затворилась дверь, но продолжала читать. Кирилл уже засыпал. Устал за день: рынок, долгая прогулка в парке – на всех аттракционах вдвоем покатались, в комнате смеха порезвились и вышли оттуда гораздо более близкими людьми. За обедом он даже не вспомнил про еду «как у бабушки», съел и суп, и тушеное с грибами мясо. И фреш бананово-клубничный Наташе вполне удался. Она ненавязчиво выпытала у Кирилла, что это такое. А оказалось, это фруктовый коктейль, взбитый с сахаром и сливками, ничего сложного. Наташа и не такое умела готовить, просто названия не знала.

Она отложила книжку, поправила на Кирюшке одеяло и выключила торшер. Надо идти к мужу, а не хочется...

Он смотрел в окно, одновременно прихлебывая из широкого стакана кефир. Редкий ей муж достался – не пивком рабочий день завершает, а кефирчиком.

– О, вот и ты! – Артур подошел к Наташе, поцеловал ее своими кисломолочными губами в щечку. – Спит?

– Спит, – спокойно ответила она и стала накрывать стол к ужину. – Тебе какой чай заварить?

– С жасмином. Как у вас день прошел? Я весь извелся.

– Заметно, что извелся, – усмехнулась Наташа. – Ни разу не позвонил даже.

– Боялся, Наташ. И... стыдно было. За няню эту. Ты ему что сказала?

– Как ты и велел: я – няня. Он говорит: значит, служанка... – Голос дрогнул от снова всплывшей обиды.

Артур обнял ее, виновато заглянул в глаза:

– Наташка, ну! Ну не обижайся, он еще маленький, дурачок!

Она отвела его руки.

– Ты-то не маленький и... не дурачок. Это ты меня за дуручку принял.

Артур внимательно посмотрел на молодую жену и быстро опустил глаза. Но Наташа успела заметить в его глазах очень странное выражение. Сначала – недоверчивое удивление, потом – гнев, потом – что-то уж совсем чужое, холодное, мстительное... Этот взгляд ее даже испугал.

– Разговор мы продолжим после ужина, – спокойно сказал Артур, садясь к столу. – Я есть хочу, неужели нельзя отложить выяснение отношений?

И Наташа сразу засуетилась, стала накрывать на стол, вынимать из холодильника помидорчики-огурчики, резать хлеб, открывать бутылку с водой. Действительно, что это она? Человек с работы пришел, может, и пообедать ему там некогда было...

Артур исподтишка наблюдал за ней. Наташа не видела выражения его глаз. Если бы видела – испугалась бы еще больше.

* * *

Артур был самым молодым управляющим одного из подразделений отцовской агрофирмы. Но ему подчинялись беспрекословно, и дела в подразделении шли отлично. Артур был убежден, что он – замечательный управляющий, он все делает разумно и планомерно. Ему очень нравились эти слова – «разумно» и «планомерно».

Менеджменту его учили в английском колледже. А еще до Англии – отец, тот учил искусству управления людьми.

«Подчиненные должны очень стараться, чтобы их начальник не изменил о них своего высокого мнения. А начальник должен точно знать, кому похвала на пользу, а кому может заронить мысль: а не лучше ли я своего босса? Балансировать надо для эффективности отдачи. Не унижай напрямую, но давай понять, что уважение еще заслужить надо. Кого надо – приближай. Кого надо – отстраняй. Но ни к кому не привязывайся и никого не ненавидь. Понимаешь, сын? Главное – не позволяй себе никаких симпатий и антипатий. Сердце держи холодным!»

У него получалось так жить. Никаких друзей – только деловые партнеры. Никаких личных врагов – только конкурен-

ты. Был один дружок детства, Толян. Он его себе позволил.

Не получилось только с Никой. Потому что по отношению к ней его эмоции – все, какие только есть у человека, – бурлили и зашкаливали.

Он был уверен, что с Наташей получится то, чего он хотел: дом, семья, покой и верность. Она создана быть женой, матерью, хозяйкой дома. Вон как все у нее в руках горит – и наготовлено, и настирано, и наглажено. В доме ни пылинки, ни соринки.

А главное – у него никакого шквала эмоций.

* * *

Разговор Артур не стал продолжать и после ужина. Ему это ни к чему, ему и так все ясно. Сначала ушел в душ, долго там мылся-брился. В постели сразу приступил к ласкам и поцелуям. После чего и уснул крепким сном выполнившего свой долг человека.

А она лежала, перебирая в памяти прожитый день, и ей казалось, что этот день был длиннее всей предшествующей ему жизни.

Это был поворот. Она это ясно ощущала. Только не могла понять, куда он ведет.

После того как Кирилл попытался помочь ей нести тяжелые пакеты, ей стало легче говорить с ним. Он словно окошечко в свой мир приоткрыл. Да, спеси в нем много. Но и

доброта есть, сопереживание. Ведь маленький еще, а почувствовал, как ей тяжело. И потом весь день, пока не заснул, вел себя как обыкновенный шестилетний ребенок. Избалованный, конечно, но все же слушающий и понимающий, что ему говорят.

Даже прояснять свой статус в его глазах уже не так хотелось. Наверное, Артур прав: время все расставит по своим местам, подумала она, засыпая.

Следующие два дня прошли, как и среда, – спокойно и душевно. Наташа удивлялась и потихоньку радовалась, что ей так быстро удалось растопить ледок первой встречи.

В пятницу вечером Артур предупредил, что завтра рано утром они едут к его родителям.

– И я? – испугалась Наташа.

– Естественно! – изобразил удивление Артур.

Он тоже боялся этого первого появления своей новой семьи перед пристрастным взором матери. Он наслушался таких колкостей между матерью и Никой, так устал от их бесконечной войны! И ему хотелось, чтобы с Наташей у матери возникли если и не родственные, так просто мирные отношения. Хотя бы так.

* * *

Когда – уже больше года назад – Ника позвонила и потребовала развода, а Кирилл оставила Артуру, Ольга Вик-

торовна ликовала и впервые в жизни одобрила поведение невестки.

Ух, как она не любила эту... дрянь! С того самого первого их скрестившегося взгляда!

– Я думаю, Тонечка, здесь не будет много работы. Сын у меня, сама знаешь, аккуратный, – с этими словами Ольга Викторовна открыла дверь своими ключами, вошла в холл – и замерла. В арке, ведущей на кухню, с дымящейся сигаретой в зубах стояла девица в черной майке, которая едва прикрывала... да ничего она не прикрывала.

– Вас звонить не учили? Ну, там, в вашем о-очень далеком детстве? – спросила девица и затянулась сигаретой.

Ольга Викторовна задохнулась от негодования. Она привыкла, что ей давали лет на двадцать меньше паспортного возраста.

– Я – мать хозяина этой квартиры! А вот ты кто такая? – справившись с дыханием, высокомерно поинтересовалась она.

– Я-то кто? О-о! Я – любимая женщина хозяина этой квартиры. В данный промежуток времени обдумываю: принять его предложение руки и сердца? Или не принять? Вы как посоветуете? А то я что-то сомневаюсь, стоит ли он меня.

И произошел исторический Поединок Глаз. Он длился, и длился, и длился... Слезы начали наполнять глаза Ольги Викторовны. Больше полутора десятков лет прошло с того дня, как она покинула сцену. Но актерская школа не раз вы-

ручала в разных ситуациях. Гордый взмах головы, прищуренные глаза, взгляд – поверх головы противницы.

– Сколько там жен было у царя Соломона? А мать – одна.

Плавный поворот, прямая спина, голова все так же гордо вскинута.

Тонечка торопливо отшатнулась в сторону, освободив королеве дорогу, и с ужасом оглянулась на Нику: вот натворила девка себе беды! Еще и зубы скалит, дурища!

Только сев за руль своей «тойоты», Ольга Викторовна расслабила спину. Посидела молча и повернулась к сидящей рядом Тонечке.

– Если кто-нибудь что-нибудь об этом узнает... – проговорила она тихо, чеканя слова.

– Что вы, Ольга Викторовна! Я могила! – преданно глядя на хозяйку, ответила Тонечка.

– Смотри. Ты меня знаешь.

– Знаю, – дрогнувшим голосом подтвердила та.

Ехать к взрослому сыну без предупреждения было глупым и бестактным поступком, ругала себя Ольга Викторовна. Но она думала, что за три месяца, какой он ни будь аккуратист, грязи в квартирке накопилось. Вот и привезла верную Тонечку, которая служила у них уже лет пятнадцать.

Как же теперь быть?

Нет, не может быть, чтобы эта хамка сказала ей правду! Не может Артур жениться на такой! Дрянь! Какая дрянь!

А если может? Если она, например, беременная? Артур,

дурачок благородный, ни за что не бросит ее в таком случае.

Ну, в этом она может помочь. Есть одно средство. На себе пару раз испытала. Помогает надежно и почти безболезненно.

Надо все поскорее выяснить.

– Тонечка, вызови мне Артура.

Тонечка пошарила вокруг глазами, нашла хозяйкин мобильник, нажала вызов.

– Артур Валентиныч, с вами Ольга Викторовна хотят поговорить.

Ольга Викторовна про себя досчитала до десяти и взяла у Тонечки трубку.

– Сын, ты сегодня, пожалуйста, приезжай после работы домой. Мне с тобой надо поговорить.

Она не станет рассказывать ему, как ее встретила его пасия. Просто несколько вопросов задаст.

Вечером сын ее успокоил. Да, он вроде предлагал Нике выйти за него. Но у нее с юмором порядок, она только посмеялась. Нет, ребенка она не ждет.

Ольга Викторовна вздохнула с облегчением. И напрасно.

Когда он после разговора с матерью вернулся к себе, Ника сказала:

– Ладно уж. Я согласна составить твоё счастье.

О том, что приезжала его мать, она не упомянула.

Следующие пять лет для Ольги Викторовны были кошмаром. Войной без перемирий за сына, за внука. Или сын и

внук были всего лишь оружием? Ну, это вполне в духе мировой политики – использовать то оружие, которое является предметом спора. И что такое политика, как не борьба за власть? Они этой политикой с Никой занимались с равным интересом. Пока Ника не исчезла.

Артур словно с ума сошел – бросился на поиски, не спал ночей... А Ольга Викторовна была спокойна.

– Не страдай, сын! С ней все в порядке. Она жива и здорова, и никто ее не похищал. Ей просто надоело это... приключение.

Для виду она Артуру сочувствовала, но на самом деле ее такой исход устраивал. Да что там устраивал – она была счастлива! Артур переболеет и успокоится: на земле еще хватит женщин для него. А ее заклятой невестушки не будет. Одного боялась: вдруг объявится и заберет Кирилла? Просто так, назло ей, своей свекрови.

В отношении к потомству Ольга Викторовна в корне отличалась от Ники. Она обожала сына. И это обожание распространилось на внука. Они оба были копией мамы и бабушки. Какие у нее, однако, сильные гены! Есть чем гордиться. А внук пошел в нее еще и тонкостью восприятия, ранимостью, богатым воображением. Ольга Викторовна была уверена, что обладает этими качествами в полной мере, не зря ведь когда-то она была очень неплохой актрисой.

Ее вполне устраивало то, что Кирилл растет у них в доме. Но Артур почему-то хотел сам воспитывать сына. И затеял

жениться... Продумал, какая женщина для этого нужна, и стал планомерно искать. И надо же было случиться такому чуду – нашел именно такую, какую себе напланировал! Ольга Викторовна даже не поверила, когда он ей о Наташе рассказал. Приехала, посмотрела, поговорила.

Наташа ей понравилась. Ну, в том смысле, что в сложившейся ситуации подходила на роль жены и матери. Только бы и Кирилл ее принял. Только бы принял – но как-нибудь так, не очень... Чтобы ее, свою бабочку, любил больше.

Слово «бабушка» Ольга Викторовна терпеть не могла. Не вообще, а по отношению к себе. Называют же французы мам своих пап и мам «гранд-мама», что значит «старшая мать». Перевод «большая» Ольга Викторовна тоже не признавала, в ее представлении «большая» значило «толстая», а уж это слово было наиненавистнейшим! Старшая? Хм... Тоже словечко не из приятных. Но Ольга Викторовна воспринимала его как «главная». Главной она быть любила.

Наташа ей показалась человеком мягким и неконфликтным. С такой не придется воевать. Ее надо очаровать. А это Ольга Викторовна умела.

Но пока серьезных шагов в этом отношении еще не сделала. А Кирилл-то уже с ней! Как он там?

Так что и Ольга Викторовна волновалась перед визитом обновленного состава семьи сына.

Первым из машины выскочил Кирилл и бросился к стоящей на широких ступенях крыльца бабушке. Следом появился Артур, обошел машину, открыл дверцу Наташе – все, как положено. Та неловко соскочила с высокой подножки джипа, и Артур поддержал ее за локоток.

Наташа и так-то всю дорогу трусила. Столько она думала о своей свекрови с неприязнью, как теперь ей в глаза смотреть? А когда увидела дом, похожий на дворец, двор – не двор, а парк... Английское поместье! Тут она и вовсе оробела.

– Бабочка, я по тебе скучал! – издали закричал Кирилл.

Ольга Викторовна легко сбежала с крыльца, поймала бегущего с раскинутыми руками мальчишку в свои объятия, затормошила, затискала, зацеловала.

– А я-то как скучала! Буточник мой синеглазый!

– Бабочка, а ты мою Наташу уже видела? – радостно спросил Кирилл и обернулся на подошедших Артура с женой.

«Мою Наташу, – отметила Ольга Викторовна с ревностью. – Что-то слишком быстро эта Наташа стала “моей”». Она заметила, что Наташа обрадовалась словам Кирилла, и это ей не понравилось.

– Видела-видела, – небрежно бросила Ольга Викторовна

и с той же небрежной ласковостью продолжила: — Добрый день, Наташа, как настроение? Выглядишь хорошо. — И совсем другим, воркующим голосом: — Здравствуй, сынок! Что ты замотанный такой? Наташа, ты ему соки даешь?

— Мам, я нисколько не замотанный! — с досадой сказал Артур. Ладно, с Никой мать постоянно сражалась, но там хоть было из-за чего, да и Ника соперница была сильная. Но от Натальи-то ей что надо?

Ольга Викторовна спохватилась. Мимику сына она читала, как азбуку.

— Пошли в сад, к бассейну! Надеюсь, вы не слишком плотно позавтракали? Место для угощения оставили?

Она ухватила ладошку Кирилла и пошла, о чем-то тихонько его расспрашивая.

Артур посмотрел на Наташу. Ну вот... Стоит как в воду опущенная. Нет в мире совершенства. Взять бы их с Никой, перемешать как следует, а потом разложить в отдельные формочки — вышли бы две золотые бабы.

Артур вздохнул и положил руку на плечо жены:

— Идем? В бассейне сейчас классно.

Ольга Викторовна весь день не отпускала от себя Кирилла. У них были свои секреты, свои игры и разговоры, свои уголки в саду и в доме.

Вечером, когда Артур стал собирать семью домой, Кирилл закапризничал, требуя еще побыть у бабушки, и Ольга Викторовна сказала:

– Ну и езжайте без него! Отдохнете. И потом – вы ведь молодожены... Я его на неделе привезу. Здесь и воздух чище, и овощи-ягоды свои... – И видя, что Артура такой расклад не устраивает, многозначительно посмотрела ему в глаза: – Не форсируй, сын! Всему свое время...

И Кирилл, донельзя довольный, остался у бабушки.

Наташиным мнением никто не поинтересовался.

* * *

– А и в самом деле – мы ведь молодожены! – сказал Артур и свернул с дороги в город.

– Ты куда едешь? – удивилась Наташа.

– Здесь недалеко есть очень приятный ресторанчик на воде. Хочу тебе показать. Потанцуем... – Он глянул на нее со значением.

– Потанцуем?

Наташа всегда стеснялась танцевать. Считала себя неуклюжей, толстой. Поэтому на дискотеки не ходила. Ну, теперь она уже не толстая! Совсем не толстая. Но вот одежда на ней... Прямо скажем, не ресторанная.

– Артур, а меня пропустят?

– То есть?

– Ну-у – в моих джинсах и маечке?

– Это такое место, где дресс-код не соблюдается. В пределах разумного, конечно.

Ресторан и впрямь был приятный. Без чопорности и помпезности. Что-то вроде рыбацкой таверны – грубые столики и скамьи, на стенах какие-то сети. Но сидеть на скамейках было удобно. Официанты были одеты в тельняшки, на мужчинах – широкие штаны из какой-то простой ткани, на девушках – довольно длинные юбки, кокетливо подобранные сбоку. Из-под подола выглядывали кружева нижних юбок. На шеях у всех повязаны красные косынки.

Артура, похоже, знали. Их приветствовал метрдотель, одетый как и официанты, только платок на шее у него был черный. Он проводил их к столу у «борта» – огромные окна по случаю лета были раздвинуты, подал меню и карту вин, посоветовал свежую рыбу, запеченную на углях, подозвал официанта.

– Хозяйка этого ресторана – маменька, – сказал Артур, когда все отошли от их столика. – А рыба – из наших прудов.

– У вас свои пруды? – удивилась Наташа.

– Чудачка! Я имею в виду нашу агрофирму.

Артур не водил ее по ресторанам, когда они начали встречаться. Он вообще выглядел таким... не сказать, чтобы бедным, но все же скромно обеспеченным. Испытывал на рай в шалаше? От этой мысли у Наташи испортилось настроение.

Он поил ее очень вкусным белым вином, они ели вкусную еду. Артур шептал ей на ухо, что у них ведь и медовый месяц еще не кончился... Что они будут снова вдвоем во всем доме... Они танцевали, он как-то особенно ласково обнимал

ее, и руки у него были горячие-горячие. От всего этого слегка кружилась голова. Настроение улучшилось.

Ну и что, что он скрывал от нее Кирюшу? В конце концов, он просто мог бояться, что она откажется выйти за него замуж.

– Какие у тебя жены все красивые, Артур! – сказал вдруг рядом мужской голос.

Наташа вздрогнула и посмотрела в сторону, откуда он до-
несся. Рядом с ними танцевала парочка: низенький толстяк с
неестественно густыми и блестящими волосами и высочен-
ная блондинка с сильно накрашенным лицом и низко откры-
той голливудской грудью. Разница в росте у них была иде-
альная: губы мужчины на уровне бюста дамы.

– И разные все! – вроде бы добродушно продолжал тол-
стяк. – Та была как модель. А эта – существо тонкое... – И
озабоченно добавил: – Эта не сбежит, как думаешь?

– Ссскотина! – процедил под нос Артур, но словно и не
слышал вопроса, продемонстрировал в улыбке все зубы: –
Добрый вечер, Макс! Да кто бы говорил... У тебя каждый
вечер красавицы. Одна краше другой, десятая краше девя-
той...

Лицо толстяка в секунду похудело, он развернул свою да-
му и потянул ее в другой конец зала.

– Артур! А вдруг это его жена? А ты – «дамы»! – с упре-
ком сказала Наташа.

– Жена его дома сидит, водку пьет и текилой запивает... –

У Артура явно испортилось настроение. — Может, домой поедем? Что-то здесь шумно сегодня...

* * *

Ольга Викторовна привезла Кирилла вечером в понедельник. И то после строгого звонка Артура.

И для Наташи все мытарства начались сначала. После нескольких дней, проведенных у бабушки, он стал обращаться с Наташей вообще как с прислугой: подай, принеси, убери... Наверное, бабушка что-то наговорила ему о Наташе.

А может, и не говорила она ему ничего, а просто мальчишка снова проникся атмосферой барского дома. Няня — это служанка.

В пятницу вечером Кирилл объявил отцу, что завтра суббота, а значит, надо ехать к бабушке.

Артур нахмурился.

— Нет, завтра мы все пойдем в парк, а потом в цирк. Ты ведь знаешь, что цирк приехал? Наташа уже и билеты взяла.

Кирилл задумался.

— А в воскресенье?

— Обещаю, что и в воскресенье тебе не будет скучно.

Кирилл посмотрел на отца, встал и топнул ногой.

— А я хочу к бабушке!

— К бабушке поедem в следующий раз.

— Нет, сегодня! Сегодня! Я хочу сегодня! — заорал изо всех

сил Кирилл. Пнул ногой табуретку, замолотил кулаками по столу. Он кричал и кричал...

И вдруг замолчал на полукрике и кулем свалился на пол. В самый настоящий обморок.

Одно дело – в теории знать, что может произойти. На практике Наташа от испуга сама чуть сознание не потеряла. Артур кинулся открывать окно, на ходу скомандовал жене:

– Нашатырь! Быстро!

Она заметалась по квартире – не могла вспомнить, где аптечка. Наконец притащила необходимое. Артур отломил кончик у ампулы нашатырного спирта, осторожно поднес ее к лицу Кирилла. Тот вздрогнул, открыл глаза – далекие, туманные...

Артур облегченно выдохнул.

– Чаю сладкого сделай.

– Ему же нельзя...

– Сейчас можно.

Когда они уже легли и Артур потянулся ее обнять, она осторожно отвела его руки.

– Артур, а ты уверен, что у Кирюши то, что говорят невропатологи? Ему томограмму мозга делали?

Артур резко отодвинулся.

– Что за вопрос! Мы его обследовали от и до! Никаких патологий. Неврастения, как это ни банально... Извини, я что-то спать хочу. Спокойной ночи.

Он чмокнул ее в щеку дежурным поцелуем и повернулся на другой бок.

Неврастения. Болезнь утонченных женщин, актеров... И избалованных детей.

Если бы Кирюшка был ее сыном, она бы знала, что делать! Она бы ему организовала строжайший режим. Она бы обливала его холодной водой и отправила бы в детский сад.

Но он был, в первую очередь, внуком Ольги Викторовны. А в ее доме Кириллу потакали во всем. Барчук...

И она, Наташа, в общем и целом, ведет себя с ним... Идет у него на поводу.

А ведь в тот день, когда они на рынок ходили, он в обмороки не падал – даже слезы сумел сдержать. И был вполне сносным ребенком, пока у бабочки своей не побывал... Может быть, потому, что Наташа – правда, не от ума, а от обиды – говорила с ним тогда в правильной тональности?

Но она уже не обижается на Кирилла, а после его обморока вообще будет бояться хоть что-то поперек сделать.

Замкнутый круг какой-то получается...

* * *

Артур тоже не мог уснуть. Он был раздосадован и напуган. Неужели все напрасно? Неужели он женился на этой замечательной во всех отношениях девице зря? И его сын так и будет не его сыном, а бабушкиным внуком?

Ну, то, что мать Кирку любит без ума, – понятно. Но его, своего сына, она же не меньше любит? Неужели, вопреки внешнему согласию с его решением искать жену, которая будет преданно ухаживать за его сыном, она лелеет мысль о «достойном его» браке? И именно поэтому она, может быть, и неосознанно, настраивает его сына против Натальи?

Или это Наталья виновата?

Бедный Кирка... С родной мамашей натерпелся: то она его зацеловывала, то в упор не видела, то орала на него, то вообще никаких эмоций не проявляла...

И Артур, сам того не желая, начал вспоминать, как чуть ли не на коленях умолял Нику не делать аборт. Конечно, он делал это не потому, что безумно любил детей, и не из каких-то там нравственных соображений. Просто он считал, что ребенок надежнее всего привяжет Нику к нему, Артуру. Бывает же так: самая безбашенная оторва родит – и станет из нее «верная супруга и добродетельная мать». Артур надеялся, что так и будет. Ах, как он надеялся!.. Ника согласилась рожать. А почему она согласилась, Артур и до сих пор не понял. Да тогда он и не думал об этом, он просто ждал чуда преображения неуправляемой Ники в примерную жену и мать.

Но ожидаемого чуда преображения не свершилось. Она сдала ребенка сразу на руки няньки. Кормила – чему он радостно удивился – сама. Но по ночам на крик сына вставал Артур и прикладывал его к груди преспокойно дрыхнувшей

матери. Он, наверное, сразу полюбил малыша. Как только взял на руки впервые, так и понял, что этот живой комочек – его часть, его кровь, его жизнь. Будто это он сам его родил.

У Ники тоже случались припадки нежности к ребенку. Но в основном она о нем едва помнила. А иногда он ее раздражал, и она не давала себе труда это скрывать. И Кирка никогда не знал, как вести себя с мамочкой. Особенно в тех случаях, когда мамочка начинала очередные военные действия против его любимой бабушки. Ведь мамочку он тоже любил, очень, очень сильно.

Когда Нике надоела семейная жизнь, она смылась, похоже, и не вспомнив о сыне. И свою войну со свекровью забыла. Даже не подумала, что та будет считать себя победившей стороной.

Нет, Ника даже не кошка. Кошка за своего котенка и с тигром сразится, а она...

Бедный, бедный Кирка.

...Рядом зашевелилась Наташа. Потихоньку встала и вышла из спальни.

Ну, мало ли куда человеку надо.

Артур все перебирал свои горькие воспоминания. А Наташа все не возвращалась.

Может, что-то случилось? Он отправился на поиски.

Наташа сидела на краешке кресла у Киркиной постели и осторожно, чуть касаясь, гладила его волосы. Кирилл спал, ровно и трогательно дыша приоткрытым ртом. Но даже во

сне цеплялся за подол Наташиной ночнушки.

Артур осторожно попятился от двери и вернулся в постель.

Он лежал и слушал. Наташа все не шла. Потом она прошла на кухню, звякнул стакан, полилась вода, и она снова потихоньку прошла в Киркину комнату.

Артур ждал долго, потом уснул.

Утром его разбудил будильник. Наташи рядом не было. Он заглянул в детскую. Наташа спала рядом с Киркой. Спала в очень неудобной позе – по стойке «смирно»: коечка-то детская, узкая... Да еще Кирка во сне держал ее за руку...

Вдруг она открыла глаза, подняла голову, и губы ее беззвучно шевельнулись. Артур понял: «тише», понимающе кивнул и пошел в ванную. Когда он пришел на кухню, Наташа уже разливала по чашкам кофе.

– Привет, – сказал Артур. – Ты чего сбежала?

– Кирюшка плакал. Я и пошла...

– Плакал? – поразился Артур. – А почему я не слышал?

– Он очень тихо плакал. Артур, может, не надо его так уж резко от бабушки отрывать? Ведь я так понимаю, она ему всех ближе была эти годы?

Артур хотел сделать маленький глоток, но от неожиданности сделал большой – и аж зашипел. Высунул язык, подышал открытым ртом, сказал со злостью:

– Конечно, тебе без Кирки спокойней!

– Ты меня неправильно понял, – терпеливо ответила На-

таша и подала ему стакан холодной воды. — Я имею в виду, что мы все какое-то время должны пожить у твоих родителей.

Он с минуту смотрел на нее, сунув обожженный язык в стакан с водой. Смотрел внимательно, изучающе. Пытался понять, что задумала его жена. Ника всегда что-нибудь задумывала, все они всегда что-нибудь задумывают... Почему Наталья должна отличаться от остальных в этом плане? Наконец отставил стакан, спросил с интересом:

— Зачем тебе этот... экстрим?

— Не мне. Артур, твой ребенок страдает, понимаешь? Ты когда-нибудь деревья сажал? Ой, да о чем я... Он сейчас как деревце пересаженное, ему такой уход нужен!

— Вот и обеспечь ему этот уход! Это первоочередная задача женщины в семье! И вообще, у нас есть свой дом! Он должен это усвоить!

Таким тоном Артур говорил с провинившимися работниками.

Наташа опустила глаза, теребя в руках кухонное полотенце. Щеки впали. Под глазами, там, где кончались длинные ресницы, синева. Не хватало еще, чтобы она заболела.

— Ты хоть спала сегодня? Или всю ночь Кирку караулила?

В это время заспанный Кирилл вошел в кухню. Забрался Артуру на колени, привалился головой к его груди, закрыл глаза и хрипло заявил:

— Хочу блинов с мясом!

– Блинов? Кирюш, их еще печь надо, – растерялась Наташа.

– А долго?

– Для начинки все есть, так что не очень долго, минут пятнадцать – двадцать. Потерпишь?

– Потерплю. Готовь! – милостиво согласился Кирилл и снова закрыл глаза.

– А умыться? А зубы почистить? – строго спросил Артур, заглядывая в сонную мордашку сына. Тот удивился:

– Это же потом! Я у бабушки всегда потом. Мне Тоня вообще-то завтрак в постель подавала...

– Какая Тоня?

– Пап, ты что, Тоню не знаешь? Бабушкина горничная, ну? – Кирилл постучал пальцем отца по лбу. Артур отвел от своего лица руку сына и резковато поставил его на пол.

– Ее зовут Антонина Алексеевна. Какая она тебе Тоня? Женщине пятьдесят с гаком, а он – Тоня! – Артур обернулся к Наташе и с упреком сказал: – А ты говоришь – пожить!

– Дети всегда взрослым подражают, – бросила она. И тут же пожалела о сказанном. При ребенке нельзя даже намекать на то, что его бабушка что-то не то говорила.

– Давай, Кирка, быстро в ванную. У нас слуг нет, так что завтраки в постель тебе подавать не будут. – Артур подтолкнул сына к выходу.

– Нет? А Наташа – няня. А няня – служанка. Пап? – Кирилл смотрел на отца испытующе.

– Кирилл, я сказал – умыться! Вопросы потом будешь задавать! – прикрикнул Артур.

Ох, что сейчас будет...

Но мальчишка рванул из кухни, как испуганный заяц.

Когда умытый и причесанный Кирилл вернулся на кухню, его уже ждала и тарелка с румяными блинчиками, и свежий ягодный сок.

– Какой мастер у нас Наталья! – сказал Артур с одобрением. – Да, сын?

Кирилл попробовал блинчик, кивнул и вдруг спросил:

– Пап, а зачем Наташа мне соврала?

– Это когда же я врала, Кирюша? – удивилась Наташа.

– А когда сказала, что ты няня. А ты папина жена!

– Это тебе бабушка сказала? – спросил Артур.

– Угу. Наташа – член нашей семьи. Так баболя сказала.

– Ну, видишь, как хорошо! А в семье завтракают вместе. В постели едят только тяжелобольные, – сказал Артур. Ффух, камень с души! Он глянул на Наташу: что она?

А она что-то быстро резала на разделочной доске и на них не смотрела.

– Наташа, ты еще не ела. А ну, бросай все – и за стол! – скомандовал Артур.

– Я потом поем. Не хочу еще, – не оборачиваясь, ответила Наталья.

Артур встал из-за стола, обнял жену за плечи, развернул к себе лицом. У нее были мокрые щеки и красный нос. Глаз

не поднимает.

– Так не пойдет, девочка моя, – сказал он заботливым голосом. Вот теперь все правильно. Теперь картинка похожа на его проект. – Садись и ешь. Не подавай ребенку плохого примера. Главу семьи надо слушаться беспрекословно! Потом мы с Киркой гулять пойдем. А тебя запрем в спальне, и ты будешь спать. Это приказ.

Наташа подняла на него глаза – черт, какие у нее глаза-то! – и слабо улыбнулась:

– Если запирают – это уже арест называется...

* * *

Следующим утром приехала Ольга Викторовна. Привезла целую корзину клубники из своего сада, какие-то необыкновенные салаты и травки.

Короткая стильная стрижка, гордая осанка, стройная фигура, легкая походка... А ведь она на семь лет старше мамы, – подсчитала Наташа.

Клубника – ягодка к ягодке – в одной корзине, аккуратные пучочки трав выложены в другой – плоской, как поднос. Мария Павловна привезла бы ягоды в пластиковом ведерке, а укропы-петрушки в пакетиках. Или в газетку завернула бы.

Наташу вдруг такая тоска взяла по маме, по сестре, по дому... Когда-то надо к ним всем семейством поехать. Ой, нет! Лучше пусть они пока про ее обстоятельства не знают. Она

сама еще ни в чем не разобралась толком.

– Я сейчас к вам на минутку. Наташа, собирайся, мы с тобой едем в салон, тебя там тоже ждут.

– Бабо-оля... – разочарованно заныл Кирилл.

Ольга Викторовна тут же притянула внука к себе и заговорила:

– Кирчонок, рыбка, девочки должны ухаживать за своей красотой! Посмотри, какая Наташа усталая! Ей надо попариться в сауне, поплавать в бассейне, сделать массаж. И голову в порядок пора привести, Наташенька!

Голос у нее был как мёд, но смотрела она на Наташу очень критическим взглядом.

Но Кирилл не успокаивался:

– Пап, они у нас и так красивые! Не пускай их! Ты же глава!

– Да мы скоро вернемся, Кирюша. Правда, Ольга Викторовна? – подала голос Наташа. Ей вовсе не хотелось ехать со свекровью, да еще в такое место. В салоне красоты, наверняка самом крутом в городе, Ольга Викторовна – VIP-клиент. А Наташа... Но спорить тем более не хотелось. В салон, так в салон. Как прикажете, барыня.

* * *

Ольга Викторовна вела свою темно-синюю «тойоту» уверенно и красиво. Она все делала красиво, легко и изящно.

Наташа напряженно сидела рядом.

Впрочем, ехали недолго. Уже через пару поворотов Ольга Викторовна затормозила у резных ворот нового, самого дорогого в городе салона красоты.

В сауне Наташа раздевалась медленно – стеснялась. А ее свекровь скинула с себя все моментально – и Наташа ахнула:

– Какая вы красивая!

Ольга Викторовна рассмеялась серебристым смехом. Ей польстило искреннее восхищение невестки. И, в свою очередь, быстро окинув Наташу взглядом, сказала:

– Когда я тебя в первый раз увидела, ты была такая пышечка! Куда же все девалось? Впрочем, чем меньше в нас, женщинах, весу, тем мы весомее в мужских глазах... Фу, как-то неудачно я скаламбурила! – Она снова красиво засмеялась: – Пойдем расслабляться.

Сауна, бассейн, массаж – все это было совершенно незнакомо Наташе. Оказывается, это очень, очень приятно. И, наверное, действительно, так полезно, как говорят. Голова прояснилась, спать уже не хотелось, и вообще в душе поселился покой, а в теле возникла бодрость. Это хорошо, потому что пора уже идти домой, готовить обед, Артур с Кирюшей вернутся, а ее нет!

– Я боялась, что это долго будет, – призналась она Ольге Викторовне. – Хорошо, что быстро закончилось. Домой уже пора.

– Что закончилось? – искренне удивилась свекровь. – Еще

и не начиналось ничего. Вот только сейчас и можно начинать шлифовку.

Шлифовка включала в себя маникюр, педикюр, маски для лица, маски для шеи, маски для рук, прическу... Наташа совершенно не понимала, зачем все это ей, домохозяйке. Но терпела все процедуры, почти не вслушиваясь в то, как Ольга Викторовна обсуждала с мастерами, что нужно делать с ней, Наташей. Она сама никогда ничего с собой не делала, так что откуда ей знать, как надо? Пусть сами решают. Она сидела в кресле перед зеркалом, закрыв глаза и терпеливо ожидая, когда, наконец, все это кончится.

– А вы знаете, вам и мудрить не надо. Ваш стиль – мадонна: гладкая головка и низкий узел, – сказал кто-то над ее головой.

Ольга Викторовна, которой в соседнем кресле корректировали ее и так короткую стрижку, поморщилась:

– Прошлый век!

– Ну что вы, Ольга Викторовна! А Анна Ковальчук? А эта... ну, «Время» которая ведет. Фамилию забыла.

Ольга Викторовна строго сказала:

– Вы выбрали неудачный пример. Эти девушки – брюнетки с классическими чертами лица. А у моей невестки личико мягкое, ее ваш узел простушкой сделает... Наташ, а ты чего хочешь?

– Не знаю. Чтоб возни поменьше.

– Ольга Викторовна, – робко сказала девушка, которая ее

стригла. – Извините, мне трудно работать... Может...

– Подождите, Инна, я важный вопрос должна решить! – Ольга Викторовна выбралась из кресла и подошла к Наташе. – Давай посмотрим.

Наташа закрыла глаза...

Щелкают и щелкают ножницы, руки мастера перебирают прядки, переставляют зажимы. Потом загудел фен, засновала в волосах круглая щетка.

И наконец мастер сказала:

– Готово. Смотрите.

Наташа открыла глаза, но глянула не в зеркало, а на кресло, где раньше стригли ее свекровь. Там уже сидела другая женщина. Из-за спины раздался тихий смех:

– Я здесь. Ты в зеркало посмотри!

Наташа посмотрела. Чужое лицо. Раньше у нее были щечки-яблочки. Теперь их не было. Зато обозначились тонко очерченные скулы, лицо стало четче. Нос... Раньше он тонул в щеках и казался курносым. А оказывается, прямой... Это что же, она и не заметила, что с потерей килограммов и лицо ее так изменилась? Или это стрижка ее так изменила? И она вспомнила все телешоу, где женщин раздевают, критикуют их и их манеру одеваться, потом дают деньги и ведут в магазин. Потом отправляют к стилисту. И происходит чудо, и женщины счастливы, и их подруги с трудом притворяются счастливыми преображением очередной героини передачи...

Бесконечные вариации сказки про Золушку.

Сейчас ее смело можно отправлять на любую светскую тусовку – она не будет выделяться из толпы. Зря она согласилась стричься.

– Ну? – не дождавшись Наташиной реакции, нетерпеливо спросила Ольга Викторовна.

Наташа молчала.

– Вам не нравится? – растерялась мастер.

– Почему? Вы отлично все сделали. Спасибо.

Ольга Викторовна сделала вид, что не заметила Наташиного настроения.

– Ладно, Наташенька, сейчас еще макияж – и мы свободны!

«Пусть мажут», – обреченно подумала Наташа. Дома она все равно сразу все смоем.

Визажист усадил ее в кресло и долго, вдумчиво разглядывал ее лицо.

– Вы не будете против, если я не стану накладывать тон? У вас просто великолепная кожа, жаль скрывать ее.

Наташа радостно кивнула.

Процесс макияжа был не менее приятным, чем стрижка. А результат – менее заметным. Наташа обрадовалась:

– Вот спасибо! И как вы это сделали? Я никакой косметики даже не вижу. Ну разве тушь на ресницах, и то присмотреться надо.

– Все-таки заметна? – огорчился визажист. – Значит, не

очень-то хорошо сделал.

– Нет, что вы! Отлично просто. Я себя после стрижки не узнала, а сейчас узнаю. Только так я гораздо красивее.

Из другого конца зала подошла свекровь, с пристрастием взгляделась в Наташино лицо.

– Губы поярче надо было сделать. А в общем неплохо. Тон тебе отличный подобрали – прямо фарфоровая.

– Простите, тоном не пользовался, – вежливо вмешался визажист. – Здесь тот случай, когда природа сама все сделала.

– Видишь, Наташа, что значит сауна, – поучительно сказала Ольга Викторовна уже в машине. – Девочка моя, ты можешь без сна и отдыха наводить в доме чистоту и готовить изысканные блюда, но если сама при этом даже в зеркало с утра не глянешь – твои труды, поверь, никто не оценит. Высший пилотаж – когда в доме все в ажуре, а ты встречаешь мужа в таком виде, словно на бал весь день собиралась, а в доме фея за тебя поработала. Поняла?

– Не знаю. Наверное, не очень, – откровенно призналась Наташа.

Свекровь искоса глянула на нее.

– Вам нужно взять прислугу.

Наташа запаниковала. Салон красоты, прислуга... Что дальше? Ей и так кажется, что она попала в чью-то чужую жизнь. Или нет, не в чужую жизнь – в чужую кожу. Ее за другую приняли – вот, так будет верно.

И она, хоть и робко, все же выразила протест:

– Ольга Викторовна, я к такому не привыкла. Меня будет это очень... напрягать. Я справлюсь и без прислуги.

– Девочка моя, ты должна осознать себя в новом статусе! Врасти в него. Тебе ведь воспитывать Кирилла!

Стоп. Это свекровь о чем? Наташа что, не дотягивает до образа человека, достойного воспитывать ее внука?

А Ольга Викторовна вдохновенно продолжала:

– Ты же понимаешь, что отец передаст со временем фирму Артуру. У меня, кстати, тоже есть свой бизнес. Это я к тому, что мы уже настолько богаты, чтобы вращаться в самых высших кругах. А когда Кирчонок подрастет? Сама понимаешь, как много он должен уметь и знать. Пока он жил с нами, я его многому учила: как держаться, как вести себя за столом... ну, и так далее. Сильно нагружать я его боялась, сама знаешь, слабенький он. Но тем не менее! И ты должна теперь включиться в процесс воспитания на заданном уровне.

В таком случае нужно нанять не прислугу, а гувернера. Из какого-нибудь родовитого английского семейства. Там, может быть, еще помнят правила придворного этикета... Но вслух эту мысль Наташа не высказала.

Побоялась? Кажется, побоялась.

И еще, кажется, она при свекрови теперь будет бояться даже за стол сесть. У нее не было в детстве гувернантки. И мама великосветским манерам не обучала.

Ольга Викторовна припарковала машину на стоянке у их дома и, повернувшись к Наташе, внушительно сказала:

– К тому же тебе тоже предстоит посещать с Артуром приемы, вечера... Вы ведь были с Артуром в моем ресторане? И ты была там в том ужасе, в котором к нам приезжала. Так что следить за собой и уметь себя вести – не прихоть, девочка моя.

Поднимаясь в лифте, Наташа про себя сочиняла достойные ответы на заявления свекрови. А потом подумала: что, если свекровь права? Мир вокруг меняется. И если уж она попала в эту среду, так придется как-то приспособливаться.

И о работе пора думать. А в жизни как? По одежке встречают.

* * *

– Артур, а почему Кирюшка не ходит в детский сад? Мне же надо работу искать. С кем его оставлять будем? И вообще – ему, скорее всего, скучно с одними взрослыми.

Артур медленно повернул голову и уставился на Наташу так, словно услышал самую глупую глупость на свете.

– Тебе это надо объяснять?!

Наташа смутилась.

– Нет, я понимаю, что у нас садики не очень... Но ведь есть и платные. Мне ведь работу искать пора.

Артур оторвался от экрана монитора, встал, прошелся по

спальне, остановился перед зеркалом. И, глядя на Наташу из зеркала, сказал:

– Зачем тебе работать?

– Как это – зачем? Я училась, получила диплом. И вообще, человек должен работать.

– Наталья, ты глупышка, ей-богу! – засмеялся Артур и снова сел за компьютер. Словно все уже выяснено и разговор окончен.

Наташа считала, что разговор еще и не начинался.

– Артур, я уже звонила сегодня в «Леонардо», знаешь, это очень хороший лицей... Я там практику проходила. И мне назначили собеседование.

Артур посидел, молча глядя в монитор, вздохнул и развернулся к ней лицом.

– И кем ты собираешься там работать?

– Учителем литературы и русского языка, конечно.

– Кем? Учителем? – Он рассмеялся.

– Что тут смешного? – обиделась Наташа.

Он оборвал смех и резко сказал:

– У тебя есть кого учить и воспитывать дома!

– Артур...

– В детский сад мы Кирку отдавать не будем! Ему и так еще школа предстоит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.